

ТЕРРИ САММЕРС

Зерна света

18+

Терри Саммерс

Зерна света

«Автор»

2026

Саммерс Т.

Зерна света / Т. Саммерс — «Автор», 2026

Шестнадцатилетний Тирион всю жизнь провёл за стенами монастыря, среди молитв, древних скрижалей и карт земель, которых никогда не видел. Он привык доверять линиям на пергаменте, но всё чаще замечает: реки текут не там, где им положено, старые записи противоречат действительности, а привычный порядок скрывает больше вопросов, чем ответов. Однажды Тирион принимает решение, которое навсегда меняет его жизнь. Оставив монастырь, он присоединяется к королевскому отряду, отправленному в далёкие Иссиние горы. Впереди лежат шумные города и забытые заставы, бескрайние степи, разорённые земли и леса, где невозможно доверять даже собственным глазам. Чтобы провести спутников через земли, в которых дороги умеют лгать, Тириону придётся научиться видеть то, что скрывается за привычным обликом вещей. Но путь к древнему свету хранит не только обещанное чудо. У каждого участника похода есть собственная цель — и далеко не каждый готов открыть её остальным.

© Саммерс Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Триедание	5
Тяжесть пустоты	9
Дорога и пикты	14
Изгиб истины	20
Дни благодати	23
Красный воск	26
Украденная тропа	29
Столичный зов	33
Лабиринт камней	36
Камень и золото	40
О людях и долге	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Терри Саммерс

Зерна света

Триедание

Последние слова молитвы отца Клемента медленно раскатились под высокими сводами храма, тяжёлые и глубокие, точно далёкий гул кузнечного молота в недрах горы. Камень отзывался им едва ощутимой дрожью; она проходила по плитам пола, поднималась через подошвы сапог к костям и долго звенела где-то в груди. Голос настоятеля, сухой, лишённый всякой мягкости, казалось, вытеснял из храма остатки воздуха, оставляя лишь терпкий запах воска, холод сырого камня и старую пыль, въевшуюся в стены за многие поколения молитв.

— ...Да пребудут с вами Трое. Плоть ваша — крепость, в коей дух обитает. Разум ваш — свет, что плоть направляет. Дух ваш — есть ключ, он разум хранит. Трое — есть жизнь, и да не уклонится человек от пути их.

Эхо долго не желало умирать под сводами. Оно таилось в тёмных нишах, пряталось меж колонн и возвращалось приглушённым рокотом, будто сам храм продолжал повторять слова настоятеля уже без участия человеческого голоса.

Потом наступила тишина. Не полная — храм никогда не бывал по-настоящему безмолвен. Где-то шаркнула подошва, тихо кашлянул старик в дальнем ряду, треснул фитиль свечи. Монеты одна за другой падали в деревянные кружки для подношений, и каждый этот звон разносился особенно ясно, словно в тишине ему становилось тесно.

Тирион привычным движением склонил голову и двинулся вдоль рядов прихожан.

Шероховатое дерево кружки тёрлось о ладонь. От каменных плит тянуло таким холодом, что он пробирался сквозь плотную подошву обуви. Пахло мокрой шерстью, дымом очагов и людьми, пришедшими с утреннего мороза.

«Плоть... Разум... Дух...»

Слова молитвы ещё звучали в памяти, но сегодня почему-то не желали складываться в привычное единство. Тирион смотрел на людей перед собой и видел не триединую гармонию, о которой бесконечно говорили в проповедях, а усталые лица и руки, изъеденные тяжёлой жизнью.

Вот кузнец, у которого кожа на пальцах почернела от въевшейся копоти и полопалась у ногтей. Вот женщина с ребёнком на руках, державшая его так крепко, будто мир каждое мгновение пытался вырвать дитя из её объятий. Вот старуха, которую сгибала к земле не только старость, но и сама привычка к поклону.

Они опускали в кружку по три медяка — во имя Трёх, и этот неизменный счёт соблюдался так же строго, как слова молитвы.

Тирион с детства участвовал в троедании, и прежде этот обычай казался ему таким же естественным, как смена времён года или звон колоколов к службе. Но теперь, стоя среди этого медленного, неизменного порядка, он вдруг почувствовал странную тяжесть.

Каждый медяк, падавший на дно кружки, отзывался в нём неприятным ощущением, будто вместе с монетами люди отдавали нечто большее, чем часть заработка. Словно платили за право никогда не задавать вопросов о том, что лежит за пределами привычной жизни.

Мысль была дурной. Тирион почти испугался её. Он поспешно отвёл глаза и остановился перед пожилой женщиной в вытертом сером платке.

— Благословение Трёх на тебя, сестра Марта.

Женщина коротко кивнула, не поднимая взгляда. От неё пахло сушёной полыньёю и дымом очага. Морщинистые пальцы осторожно положили монеты в кружку, после чего Марта поспешила к выходу, словно боялась задержаться в храме дольше положенного.

Тирион двинулся дальше, всё сильнее ощущая на себе чужие взгляды. Не благоговейные — такие доставались отцу Клементу. Не уважительные — как брату Элиасу. Эти взгляды были иными: быстрыми, оценивающими, скользкими. Он давно научился читать их без слов.

«Подкидыш».

«Монастырский».

«Милость Трёх, что не бросили его подыхать».

Никто не говорил этого вслух уже много лет, однако Тирион всё равно слышал невысказанное почти так же ясно, как церковные песнопения. И всякий раз внутри поднималось старое, давно знакомое чувство — будто он стоит здесь по ошибке, чужой среди чужих.

Он уже собирался пройти к следующему ряду, когда взгляд его зацепился за незнакомца у колонны.

Тирион нахмурился, он заметил его ещё во время молитвы — просто потому, что раньше никогда не видел этого лица в храме. Парень был молод, может, на несколько лет старше самого Тириона. На плечах — дорожный плащ, ещё покрытый тонкой коркой утреннего инея. На сапогах — засохшая грязь дальних дорог.

Но дело было не только в этом. Было в нём что-то неправильное.

Тирион замедлил шаг.

Взгляд почему-то плохо цеплялся за незнакомца. Словно глаз всё время пытался соскользнуть в сторону — на складки плаща, на тень колонны, на свечной огонь за спиной. Лицо парня будто терялось среди прочего, не желая запоминаться целиком.

Это длилось лишь миг.

Тирион моргнул — и ощущение почти исчезло. Незнакомец заметил его заминку и едва заметно усмехнулся.

— Троедание? — тихо спросил он.

Голос был хриловатым, простуженным дорогой. Он опустил монеты в кружку, и звон почему-то показался Тириону особенно громким.

— А правда, — продолжил незнакомец, чуть подавшись вперёд, — что ваш настоятель видел Скрижаль-праматерь?

Тирион растерянно поднял взгляд.

— Ту, что хранится в Старом Городе, — пояснил человек. — Говорят, письма на ней движутся, если смотреть слишком долго.

От него пахло холодным воздухом, мокрой кожей и конским потом — запахами настоящих дорог, о которых Тирион столько раз думал бессонными ночами.

— Отец Клемент много странствовал в юности, — осторожно ответил он. — Так говорят братья.

— А ты сам хотел бы её увидеть?

Вопрос застал его врасплох.

На миг Тирион просто смотрел на незнакомца, чувствуя, как внутри что-то болезненно дрогнуло. Перед глазами сами собой всплыли пожелтевшие карты из скриптория, извилистые линии рек, горные цепи, уходящие за края известных земель, и бесконечные дороги, ведущие туда, где он никогда не бывал.

Хотел бы?

Сердце вдруг ударило сильнее.

— Скрижали открываются лишь тем, кто чист духом, — произнёс он наконец, почти машинально, будто слова сами сорвались с языка раньше, чем он успел подумать.

Незнакомец тихо усмехнулся. Не зло — скорее с усталостью человека, который слишком часто слышал подобные ответы.

— Стало быть, старине Грэхэму туда путь закрыт.

Он отвернулся и неторопливо пошёл к выходу.

Тирион проводил его взглядом, и странное чувство вновь коснулось сознания: фигура человека словно терялась среди прочих быстрее положенного. Через несколько мгновений незнакомец исчез за тяжёлыми дверями храма. А Тирион вдруг понял, что всё ещё стоит неподвижно.

— Тирион.

Голос отца Клемента прозвучал рядом неожиданно близко.

Юноша вздрогнул и поспешно обернулся.

Настоятель стоял у алтаря, высокий, прямой, похожий в своей тёмной рясе на старую статую, высеченную из чёрного камня. Лицо его казалось иссушенным временем, а светлые глаза — слишком ясными для столь глубокого старика.

— Подношения в ларь, — произнёс он. — И приберись у алтаря. Брат Элиас жалуется, что ты опять оставил воск на плитах.

— Да, отец.

Тирион склонил голову.

Взгляд настоятеля задержался на нём ещё на мгновение, и юноша вновь ощутил знакомое чувство: будто отец Клемент видит в людях больше, чем им хотелось бы показывать. Когда старик отвернулся, Тирион только тогда заметил, как сильно сжимает кружку. Костяшки пальцев побелели от напряжения. Он подошёл к тяжёлому ларю у стены и высыпал внутрь собранные монеты. Медяки посыпались на дно глухим металлическим шумом. Тирион невольно поднял взгляд на Кольцевую Скрижаль в глубине храма.

Священный камень был старше монастыря. Старше половины королевства — так говорил отец Клемент. Тёмный камень поблёскивал в свете свечей. Древние письмена тянулись по кругу без начала и конца, уходя одно в другое так, что глаз постепенно переставал различать отдельные знаки.

Когда-то Тирион любил подолгу смотреть на Скрижаль.

Теперь же она всё чаще вызывала у него странное чувство — будто перед ним не священная мудрость, а замкнутая тропа, по которой человек идёт всю жизнь, чтобы неизменно вернуться туда же, откуда начал путь.

«Разум ваш — свет, что плоть направляет».

А если разум желает выйти за стены монастыря? Если дух тянется к тому, чего Церковь не велит желать? Значит ли это, что внутри него есть изъяз?

Тирион отвёл взгляд и принялся за работу.

После службы дел всегда хватало: собрать огарки свечей, очистить чаши, соскрести застывший воск с камня у алтаря. Он двигался привычно и почти не думая, но мысли всё равно вновь и вновь возвращались к человеку в заиндевевшем плаще и к странному вопросу, прозвучавшему среди храмовой тишины.

«А ты сам хотел бы её увидеть?»

Когда последние прихожане покинули храм, а брат Элиас ушёл запирать кладовые, Тирион наконец выбрался наружу.

Вечер медленно опускался на монастырский двор.

Небо над стенами было бледным и холодным; длинные полосы облаков тянулись к западу, где угасал зимний свет. Под стрехой амбара копошились ласточки, а у колодца лениво поскрипывал ворот.

Тирион устроился в узкой бойнице стены — там, где любил сидеть в редкие минуты одиночества. Камень был холодным и влажным на ощупь. Шестнадцатая весна в монастыре Трёх пахла всё так же: сыростью старых стен, пылью свитков, дымом очагов и мокрым деревом.

Он знал здесь каждый угол. Каждую трещину на плитах внутреннего двора. Каждый скрип двери скриптории. Каждую морщину на лице брата Элиаса. Порой Тириону казалось, что он прожил в этих стенах не шестнадцать лет, а все шестьдесят, и что за пределами монастыря не существует ничего, кроме чужих рассказов.

Но стоило ему поднять взгляд к горизонту, как внутри вновь просыпалось то самое чувство — тоскливое и жадное одновременно. Там, за полями и перелесками, лежали настоящие дороги — не те, что ровными линиями тянулись по монастырским пиктам, а живые пути, уходившие через реки, леса, заставы и земли, о которых он знал лишь по чужим рассказам.

В кармане робы лежал сложенный клочок пергамента. Тирион осторожно вытащил его и развернул на коленях. Старая карта Алаина. Потёртая, выцветшая, покрытая кривыми пометками на полях. Он провёл пальцем вдоль русла реки, затем по дороге, уходящей к северным межам, и почувствовал почти болезненное желание однажды увидеть всё это собственными глазами — не на страницах книг и не в рассказах странников, а вживую, пройдя теми путями, которые прежде существовали для него лишь в чернильных линиях.

Колокол ударил к вечерней службе. Гул медленно поплыл над монастырём, растворяясь в холодном воздухе. Тирион закрыл глаза, слушая знакомый звон, а затем аккуратно свернул карту и спрятал её обратно под робу — словно тайну, которую нельзя было доверять никому.

Тяжесть пустоты

Высокие своды тронного зала один за другим уходили во мрак.

День угасал за узкими стрельчатыми окнами, и последние полосы дневного света, ещё державшиеся на западной стене, медленно блекли на камне. Факелы горели высоко, под самыми арками, но их неровного пламени едва хватало, чтобы выхватить из сумерек резные звериные морды на колоннах, потемневшие лики давно умерших королей и поблекшие гобелены, на которых воины Валендора всё ещё одерживали победы в войнах, чьи причины уже не помнил никто из живущих.

Под потолком собирался дым. Он лежал там сизыми пластами, лениво колыхался от сквозняков и временами опускался ниже, словно старый дворец тяжело дышал вместе с людьми, собравшимися в его сердце.

Пахло горячим воском, смолой, железом и влажным камнем. Был в этом запахе и иной привкус — неуловимый, но знакомый каждому, кто долго жил при дворе: запах власти, слишком часто державшей в своих руках чужие судьбы и потому навеки въевшейся в стены.

В дальнем конце зала, на возвышении из чёрного камня, стоял тёмный дубовый трон.

Некогда алый бархат на его высокой спинке выцвел и сделался бурым, будто старая кровь. Над троном недвижно висели знамёна Валендора — тяжёлые полотнища с серебряным знаком Семи Клятв. В иных местах ткань истончилась настолько, что сквозь неё проступала тьма стены, однако снять старые знамёна не решался ни один хранитель дворца. Говорили, под ними приносили присягу ещё тогда, когда северные башни столицы были деревянными, а нынешние лорды не носили своих имён.

Король Эдмунд сидел неподвижно, откинувшись на резную спинку трона.

Железная корона казалась на его голове не знаком верховной власти, а обручем, год за годом всё глубже вдавливавшим государя в дубовое кресло. Лицо короля осунулось, кожа на скулах натянулась, под глазами лежали тяжёлые тени. Однако взгляд его оставался ясным и цепким — слишком внимательным для человека, которого придворные лекари уже несколько лет называли умирающим, но лишь за закрытыми дверями и шёпотом.

У подножия трона стоял сcribe с восковыми табличками в руках. Последние слова донесения о стычках на восточных межах уже отзвучали, но он всё ещё не решался опустить взгляд, будто ожидал, что молчание государя окажется страшнее любого приказа.

В жаровнях потрескивали поленья.

Король провёл ладонью по лицу. Пальцы его на мгновение задержались у виска.

— Довольно, — произнёс он хрипло. — Я сыт межами по горло.

Сcribe поклонился так поспешно, что едва не выронил таблички.

Эдмунд поднял голову и медленно оглядел три фигуры, стоявшие в тени колонн.

Первым выступил генерал Бреннан.

Даже в огромном зале он казался человеком, которому недостаёт места. Сталь на его плечах тускло отсвечивала в огне, рыжая борода вспыхивала медью, а широкое лицо хранило следы той жизни, в которой почти всякий спор рано или поздно решался приказом, копьём либо мечом. На его кирасе темнели старые зарубки. Бреннан не велел заливать их серебром: говорил, что воин не должен скрывать удары, пережитые его доспехом.

Он остановился перед возвышением и коротко склонил голову.

— Государь, пока мы стоим под этими сводами и слушаем церковные толкования, королевство расходится по швам. Оршаки вновь жгут хутора вдоль восточного тракта. Южные лорды удерживают пошрины и вооружают людей, будто ждут войны не с чужаками, а с нами. Народу нужны хлеб, сталь и копья, а не древние предания.

Он бросил тяжёлый взгляд на архиепископа, однако тот не шелохнулся.

— Дайте мне людей и обозы, — продолжил генерал, — и через год восточные межи будут спокойны.

— Через год? — отозвался из сумрака негромкий голос. — Великое утешение для тех деревень, которым не суждено пережить нынешнюю зиму.

Лорд Виган не сразу отделился от колонны. До того он стоял так неподвижно, что серый плащ почти сливался с камнем, и лишь бледное лицо да тонкие пальцы, лениво поглаживавшие край рукава, выдавали его присутствие.

Бреннан медленно повернул голову.

— Говори прямо, соглядатай.

На губах Вигана появилась едва заметная улыбка — холодная и тонкая, как блеск ножа перед ударом.

— Охотно. Каждый год вы просите у короны больше золота, больше людей и больше времени. И каждый год уверяете, что победа уже близка. Быть может, она движется столь медленно потому, что обременена вашими обозами?

Скриба у трона побледнел и опустил глаза к табличкам.

Бреннан сделал шаг. Сталь на нём глухо звякнула, и этот звук прокатился по залу тяжелее сказанного.

— Придержи язык.

— Я полагал, этим заняты ваши дозорные на востоке, — мягко ответил Виган, — пока оршаки режут их товарищей под покровом ночи.

Несколько мгновений никто не говорил. Огонь в ближайшей жаровне с треском расколол полено. По стене метнулась длинная тень.

Виган чуть наклонил голову, не отводя взгляда от генерала.

— В одном вы правы, Бреннан. Армия — опора королевства. Без неё Валендор давно растерзали бы соседи, степняки и собственные лорды. Но странно слышать презрение к древним сказаниям от человека, который стоял у Чёрного Брода.

Лицо генерала потемнело.

Он ничего не ответил, но рука его невольно легла на навершие меча.

— Или ваши люди уже забыли, — продолжил Виган тише, — как государь держался в седле после раны, от которой иной человек истёк бы кровью прежде, чем его вынесли из брода?

Бреннан молчал. Под рыжей бородой медленно заходили желваки.

Виган оттолкнулся плечом от колонны и ступил в свет. Теперь огонь коснулся его лица полностью, отчего оно показалось ещё бледнее.

— Мне нет дела до того, что покоится в северных вершинах, — произнёс он. — Ответ на вопросы, которых людям не следует задавать, или последняя выдумка монахов, слишком долго просидевших среди пыльных камней. Но если там в самом деле скрыта сила, способная удержать Валендор от распада, будет весьма прискорбно, если прежде нас её отыщет другой.

— Другой? — Бреннан хмыкнул. — Ты говоришь так, будто весь мир только и ждёт, чтобы похитить у тебя очередную тайну.

— А вы говорите так, будто мир заканчивается за последним рядом ваших копейщиков. Молчание между ними натянулось, как тетива.

Разорвал его голос архиепископа Ансельма.

— Вы спорите о крохах, упавших со стола Трёх, и забываете, ради чего были призваны сюда.

Он вышел из тени бесшумно. Белые одежды мягко скользнули по каменным плитам, не нарушив тишины ни единым шорохом. Худое лицо архиепископа в дрожащем свете казалось отлитым из старого воска, а глаза — светлыми, неподвижными и чуждыми всему теплу, которое ещё оставалось в зале.

На его груди тускло мерцал серебряный знак Трёх.

— Речь не о нескольких сожжённых хуторах, — продолжил Ансельм, — и не о власти над полосой земли, которую завтра вновь придётся отвоёвывать. Мы слишком долго живём среди обломков прежнего мира и называем это порядком лишь потому, что не помним целого.

Бреннан тихо фыркнул, однако архиепископ даже не взглянул на него.

— Скрижали повествуют о временах, когда земля была иной. Когда человеческий дух ещё не ослаб настолько, чтобы мир забывал собственный облик там, где редет людской род.

При этих словах Виган перестал улыбаться. Его пальцы замерли на краю плаща.

— Осторожнее, святой отец, — произнёс он. — Кто-нибудь из присутствующих ещё решит, будто вы вправду верите выщерблинам на древнем камне.

Ансельм повернул к нему голову. На его губах впервые возникло подобие улыбки.

— А кто-нибудь, лорд Виган, слишком усердно старается убедить нас, будто не верит вовсе.

Король поднял руку. Жест был слабым, но спор оборвался мгновенно. Эдмунд некоторое время держал ладонь сжатой, словно колебался, стоит ли показывать то, что скрывалось в ней. Потом медленно разжал пальцы.

На его ладони лежал небольшой неровный кристалл, с виду почти невзрачный — осколок мутного камня, какой легко не заметить среди щебня у дороги. Однако стоило задержать на нём взгляд, как сердце начинало сбиваться с привычного ритма.

В глубине кристалла что-то билось — не свет или, по крайней мере, не только свет, а движение, которому человеческий глаз не находил имени, словно в прозрачном камне билось чужое сердце и каждый его удар приходился между ударами сердец всех стоявших в зале.

Воздух сделался плотнее. Пламя ближайшего факела пригнулось, хотя сквозняка не было. Скриба судорожно сглотнул и отвёл глаза. Бреннан нахмурился. Даже Виган утратил свою насмешливую невозмутимость.

Тусклое мерцание Зерна не озаряло ладонь короля. Напротив, оно словно вытягивало из неё тепло, оставляя кожу сухой и серой, подобной старому пергаменту.

— Одного этого осколка оказалось довольно, чтобы королевство не рассыпалось, — тихо сказал Эдмунд.

Он смотрел на Зерно так, как голодный смотрит на последний кусок хлеба, хотя знает, что тот не насытит его.

— Я должен был умереть у Чёрного Брода.

Никто не ответил. В этом зале ещё оставались люди, видевшие тот день, и потому слова короля не нуждались в подтверждении.

— Но я жив, — произнёс Эдмунд, медленно смыкая пальцы вокруг кристалла. — Оно налило мою плоть силой, когда кровь уже уходила из неё. Оно позволило мне вернуться к войску, удержать лордов от мятежа и заставить людей, готовых вцепиться друг другу в горло, ещё раз вспомнить о клятвах.

Эдмунд поднял взгляд на архиепископа.

— И теперь ты утверждаешь, что Церковь отыскала колыбель этой силы.

Ансельм склонил голову.

— Долгие годы братья постигали письма Скрижали-праматери. Знаки меняли смысл, одни толкования отвергали другие, и многое доньше остаётся сокрытым. Но ныне мы уверены: путь ведёт к Иссиним горам.

— Путь, — повторил король.

В уголке его рта мелькнула мрачная усмешка.

— В моём возрасте пути всё чаще приводят к могилам.

Он опустил глаза на сжатую ладонь, затем спросил:

— Ты уверен в своём человеке?

Ансельм помедлил ровно настолько, чтобы ответ не прозвучал поспешным.

— Насолько, насколько можно быть уверенным в человеке, государь.

Король провёл большим пальцем по острой грани Зерна.

— Иссиние горы лежат дальше северных меж, — произнёс он, и голос его стал тише. — Там кончаются дороги Валендора. За ними уже нет наших застав, часовен Трёх и полей, где пахарь узнаёт каждый камень. Даже карты тех земель долго не хранят правды.

Он посмотрел куда-то мимо собравшихся — туда, где между колоннами лежал сумрак и перед ним вставали земли, увиденные много лет назад.

— Я был в таких местах в юности. Реки там покидают русла, хотя не было ни дождя, ни обвала. Тропы исчезают за одну ночь, словно никогда не знали человеческой ноги. А путник возвращается к собственному костру, хотя всю ночь шёл прямо.

Король умолк. Огонь отразился в его глазах.

— А люди начинают видеть то, чего в мире быть не должно.

Ансельм поднял голову.

— Потому я и избрал его. У юноши редкий дар. Он не держится за то, каким мир обязан быть. Не принимает привычное за истинное лишь потому, что так его учили. Он видит то, что лежит перед ним.

— Писец? — с явным сомнением спросил Бреннан.

Архиепископ спокойно повернулся к генералу.

— Порой писец видит дальше воина.

Бреннан поморщился, но на этот раз промолчал.

Король опёрся ладонью о подлокотник и медленно поднялся. Движение, которое прежде далось бы ему без мысли, теперь потребовало заметного усилия. На мгновение его плечи дрогнули, однако Эдмунд выпрямился и остался стоять перед ними — худой, поседевший, всё ещё король.

— Тогда довольно слов. Бреннан, отберите людей. Немногих. Мне не нужен обоз, который будет слышно за три мили, и не нужна армия, способная напугать каждую деревню на пути. Соберите отряд, который сумеет пройти там, где дорога перестанет быть дорогой.

Генерал ударил кулаком в грудь и склонил голову.

Эдмунд перевёл взгляд на Вигана.

— Твой человек тоже пойдёт с ними.

Лорд Виган поклонился чуть глубже, чем требовал обычай.

— Как повелите, государь.

— И если в Иссиних горах действительно сохранилось хоть что-то, — продолжил король, — я должен узнать об этом прежде, чем вурдранские псы устроят пир на костях Валендора.

Никто не ответил. В зале стало так тихо, что слышно было, как воск стекает по древку ближайшего факела. Король устало опустил на трон и махнул рукой.

— Ступайте.

Советники покидали зал один за другим. Первым ушёл Бреннан; его шаги ещё долго гремели за плотным полотном двери. Следом бесшумно исчез Виган. Последним удалился архиепископ, и белый край его облачения на миг задержался в щели между тяжёлыми створками, прежде чем двери сомкнулись окончательно.

Ушёл и сcribe, прижимая таблички к груди.

Тронный зал погрузился в полумрак.

Король Эдмунд остался один среди знамён, камня и старых побед, которые уже никого не могли защитить.

Несколько мгновений он сидел неподвижно, глядя на Зерно в раскрытой ладони. Его тусклое мерцание дрожало, и нельзя было понять, дышит ли кристалл или лишь терпеливо ждёт чего-то.

Эдмунд медленно сжал пальцы.

В этот миг он был похож не на государя, державшего в руке древнюю силу, а на утопающего, который ухватился за последний обломок и уже чувствует, как тот уходит под воду вместе с ним.

— Найдите мне его, — произнёс король, и слова медленно поднялись к высоким сводам, однако на этот раз даже эхо не пожелало ему ответить. — Пока ещё не поздно.

Дорога и пикты

В тот день солнце стояло высоко и беспощадно, превращая мощёный двор монастыря в раскалённую чашу, полную белого света и сухого каменного жара. Воздух будто застыл между стенами. Он дрожал над плитами, пах горячей пылью, нагретым деревом и травой, выжженной за монастырской оградой до ломкой желтизны. Даже тени, обычно спасительные в нишах и под арками, казались короткими, жёсткими и бесполезными.

Тирион подметал мостовую у колодца.

Работа была пустой и бесконечной: стоило ему согнать пыль к краю двора, как ветер, ленивый и тёплый, вновь приносил её из-под ворот тонкой серой вуалью. Метла шуршала по камню, сухие прутья цеплялись за щербинки между плитами, и этот однообразный звук уже почти убаюкал его мысли, когда за воротами послышался скрип колёс.

Поначалу скрип был тихим, едва различимым, но постепенно приближался и становился всё тяжелее, пока его уже нельзя было спутать ни с чем иным.

Тирион поднял голову.

В полуденную тишину монастырского двора медленно вкатил повозка. Она двигалась с надрывным скрипом несмазанных осей, запряжённая одной усталой лошадью, чьи бока покрывала серая корка засохшего пота. Колёса, обитые железом, глухо стучали по плитам, и этот звук показался Тириону таким непривычным после долгих дней монастырского однообразия, что он не сразу понял, кого видит на облучке.

Разглядев сидевшего на облучке человека, Тирион почувствовал, как сердце его сжалось одновременно от радости и внезапной, ещё необъяснимой боли: это был Алаин.

Пыль дороги покрывала его плащ, волосы и сапоги; она забилась в складки одежды, легла серым налётом на загорелое лицо, скопилась в морщинах у глаз. Он выглядел утомлённым, как всякий человек после долгого пути, но в том, как он держал поводья и шурился от солнца, всё ещё была прежняя уверенность старшего брата, много раз возвращавшегося домой с новыми рассказами и новыми линиями на картах.

— Алаин! — выдохнул Тирион.

Метла выпала из его руки и с сухим шелестом ударилась о камень. Алаин обернулся на голос.

Сначала он будто не сразу узнал брата среди слепящего света двора, а затем на его лице медленно проступила улыбка — настоящая, тёплая, с тем самым усталым прищуром, который Тирион помнил с детства.

— Гляди-ка, — сказал Алаин, спрыгивая с повозки. — Всё ещё живёшь среди пыли и называешь это послушанием?

Он приземлился легко, хотя на миг задержал руку на борту повозки, словно дорога всё ещё держала его в ногах. Под подошвами поднялось маленькое облачко пыли.

Тирион бросился к нему.

Алаин крепко обнял брата одной рукой и по привычке потрепал его по плечу так, будто перед ним всё ещё был мальчишка, едва доставший до стола в скриптории. От него пахло горячей кожей, дорожной пылью, конским потом и дымом походных костров — всем тем внешним миром, который Тирион знал только по рассказам, картам и обрывкам чужих разговоров.

Тирион отстранился не сразу. Ему хотелось ещё на несколько мгновений удержать это чувство — живую тяжесть братской руки на плече, запах дороги, тепло чужого возвращения. Лишь потом он поднял взгляд и стал всматриваться в лицо Алаина, будто проверяя, не оставили ли дальние земли на нём чего-то такого, что нельзя смыть водой у колодца.

— Ты долго не возвращался, — сказал Тирион, отстраняясь, чтобы лучше рассмотреть его. — Отец Клемент говорил, что ты задержишься на две недели.

Алаин усмехнулся не сразу. Сначала он бросил короткий взгляд на монастырские стены, где тени под карнизами казались особенно плотными, словно имя настоятеля само по себе заставляло камень слушаться внимательнее.

— Отец Клемент любит считать дни так, будто дороги обязаны его слушаться, — усмехнулся Алаин. — А дороги, как известно, хуже послушников.

Тирион улыбнулся, но беспокойство, уже мелькнувшее в нём при виде усталого лица брата, не исчезло окончательно. Он заметил, как Алаин чуть иначе перенёс вес с одной ноги на другую, словно долгий путь всё ещё жил в его коленях.

— Что случилось?

Алаин отвёл взгляд в сторону амбара. Над раскалённой крышей дрожал воздух, и на мгновение показалось, будто сам двор колеблется между ними, мешая ответу прозвучать прямо.

— Ничего такого, о чём стоило бы рассказывать у колодца под палящим солнцем.

Он снял с повозки кожаный тубус, бережно проверил ремни, потом хлопнул ладонью по его боку. В этом жесте было больше заботы, чем в его шутке: пальцы привычно прошлись по застёжкам, задержались у потёртого края кожи, проверили, не ослабла ли перевязь.

— Последний пикт вышел упрямым. Земли на востоке спорные, люди там смотрят на всякого писца так, будто он уже прикидывает, сколько с них возьмут налогом.

Тирион, всё ещё следя за руками брата, поднял глаза. В его взгляде мелькнуло прежнее мальчишеское любопытство, которое никакая монастырская дисциплина не могла до конца вытравить.

— А ты прикидывал?

Алаин сделал лицо совершенно серьёзным. Даже ладонь с тубуса убрал не сразу, будто и правда взвешивал, стоит ли доверять брату такую страшную тайну.

— Разумеется, — серьёзно ответил Алаин. — Но делал вид, что считаю овраги.

Тирион рассмеялся.

Смех вырвался сам собой, легко и неожиданно, будто всё напряжение последних дней сразу отпустило его. Алаин тоже улыбнулся, но тут же отвёл взгляд к амбару, прикрывая глаза от солнца.

— Пойдём, — сказал он. — Пока меня не забрали к настоятелю и не заставили три часа пересказывать, почему река течёт не так, как записано у предшественников.

Они двинулись через двор, и Тирион на ходу всё ещё поглядывал на тубус, словно тот мог сам приоткрыть тайну, спрятанную внутри.

— Ты нашёл ошибку?

Алаин резко повернул к нему голову, но в глазах его уже плясала насмешка.

— Ошибку? — Алаин посмотрел на него с притворным возмущением. — Тир, ошибки бывают у учеников, ленивых переписчиков и людей, которые кладут сыр поверх горячей похлёбки. У старых карт бывают не ошибки, а почтенные заблуждения.

Он произнёс это с такой важностью, будто защищал честь целого сословия давно умерших картографов. Тирион невольно прикусил улыбку, но не удержался.

— И много их?

Алаин постучал пальцами по боку тубуса и на мгновение поморщился, будто уже представлял себе лицо Клемента над новым пиктом.

— Достаточно, чтобы у отца Клемента заболела голова.

Он снова тронул тубус, и в этом жесте было столько бережности, что Тирион невольно посмотрел на него с благоговением.

Для других братьев это был всего лишь свёрнутый пергамент, покрытый линиями, знаками и пометами. Для Тириона же в таких тубусах всегда возвращался целый мир: реки, которые он никогда не видел; холмы, по которым не ходил; дороги, чьи изгибы казались ему обещанием.

Алаин заметил его взгляд и усмехнулся.

— Вот теперь узнаю младшего брата. Не меня встречаешь, а мои карты.

Тирион смутился, но только на мгновение. Он опустил глаза, затем снова посмотрел на Алаина — уже мягче, с той открытой радостью, которую позволял себе только рядом с ним.

— Тебя тоже.

Алаин чуть склонил голову, принимая эту поправку с нарочитым великодушием.

— Как великодушно.

Они пересекли двор вместе. Над плитами стоял дрожащий жар, и каждый шаг отдавался сухим стуком. У стены брат Элиас что-то выговаривал двум послушникам, таскавшим вёдра, но, увидев Алаина, лишь коротко кивнул. Из кухни тянуло кислым запахом брожёного теста и дыма. Где-то под крышей лениво ворковали голуби.

Тирион шёл рядом с братом и никак не мог перестать улыбаться.

С Алаином монастырь менялся. Те же стены, тот же колодец, те же суровые лица братьев, но всё вокруг словно становилось менее тесным, будто за привычным камнем вдруг открывалась даль.

У двери жилого крыла Алаин на мгновение остановился и провёл ладонью по лицу, стирая пыль и пот. На пальцах осталась серая дорожная грязь, и он машинально стряхнул её на камень.

— Сначала покажу тебе кое-что, — сказал он. — А потом уж пойду к настоятелю принимать заслуженное недовольство.

Тирион взглянул на него почти с тревогой, хотя тревога эта была лёгкой, привычной, связанной скорее с суровым нравом Клемента, чем с настоящей бедой.

— Он будет недоволен?

Алаин посмотрел в сторону лестницы, ведущей к покоям настоятеля, и угол его губ дрогнул.

— Клемент всегда недоволен. В этом его постоянство, и за это, наверное, Трое его любят.

Тирион невольно понизил голос, будто сам камень коридора мог передать сказанное куда следует.

— Не говори так громко.

Алаин бросил на него быстрый взгляд и улыбнулся так, как улыбался только ему одному — не открыто, не громко, а будто делиась маленьким заговором против чрезмерной монастырской серьёзности.

— А ты не повторяй.

Они вошли в прохладу коридора, и Тириону показалось, будто сам воздух сомкнулся за ними после слепящего двора. Каменные стены хранили сырость даже в самый знойный день; шаги стали тише, голоса — глуше.

Алаин шёл впереди, неся тубус под мышкой, и Тирион видел, как пыль с его плаща оседает на пол тонкой серой дорожкой.

У самой двери кельи брат остановился, оглянулся и улыбнулся.

— Ну что, картограф? Посмотрим, чему ты научился, пока я спорил с восточными упрямыми.

В тесной келье, пахнувшей старой бумагой, чернилами и сухими травами, которые кто-то когда-то подвесил под потолком от моли, царил привычный полумрак. Сквозь узкое оконце падала полоска света, в которой медленно кружились пылинки. Здесь Алаин бывал редко, и всё

же его присутствие сразу изменило комнату, словно вместе с ним в неё вошли дороги, чужие селения и запах далёких земель.

Он поставил тубус на стол и с довольным видом оглянулся на брата.

— Смотри, что привёз.

Тирион придвинулся ближе.

Алаин осторожно развязал кожаный ремешок и извлёк свёрнутый пергамент. Даже в этом движении чувствовалась привычка человека, который обращался с картами чаще, чем с оружием или плугом. Он развернул пикт и прижал края ладонями.

— Вот здесь, — сказал он, и в голосе его впервые за весь день прозвучало знакомое оживление. — Долина Безымянной реки.

Тирион наклонился над столом.

Линии, выполненные рукой брата, были уверенными и чистыми. Условные обозначения складывались в холмы, перелески и русла так естественно, что взгляд сам начинал следовать за дорогами, уходящими к краю листа.

— Во всех старых свитках её изображали так, будто река течёт прямо к морю, — продолжал Алаин. — Я и сам так рисовал, пока не увидел всё собственными глазами.

Его палец скользнул вдоль русла.

— А здесь она раздваивается.

Тирион нахмурился.

— Но этого нет ни на одном пикте.

Алаин усмехнулся, но не насмешливо. Скорее так, как усмехается человек, которому удалось наконец поймать мир на маленькой, но важной неправде.

— Потому что никто не возвращался проверить, — усмехнулся Алаин. — Или возвращался и предпочитал не спорить с тем, как было принято изображать мир до него.

Он постучал ногтем по пергаменту.

— Второе русло уходит к Серым Грядам и там исчезает, не оставляя после себя ни озера, ни болота, ни видимого устья, словно земля выпивает воду прежде, чем та успевает найти выход.

Тирион долго смотрел на карту. Он никогда не бывал в тех краях, не слышал голоса этой реки и не ступал по её берегам, однако почему-то понимал, отчего брат решился изменить старые записи: неровная линия выглядела не только правильной, но и живой, словно за ней стояла сама земля, а не привычка давно умерших картографов.

Он поднял взгляд.

— Можно... попробовать?

Алаин, ещё державший ладонь у края пергамента, замер и посмотрел на него внимательно.

— Что именно?

Тирион смутился под этим взглядом, но не отвёл глаз от пикта. Пальцы его нерешительно коснулись края стола, словно он боялся тронуть карту без разрешения.

— Лес, — смущённо ответил Тирион. — Вот здесь. Его край обрывается слишком резко. Будто кто-то поставил забор. Но леса ведь так не растут.

Алаин посмотрел на него несколько мгновений, а потом тихо рассмеялся.

— Настоятель бы сказал, что тебе следует меньше спорить с трудами предшественников.

Тирион поднял на него взгляд. В этом взгляде было и ожидание, и осторожная надежда, и тот почти детский страх, что сейчас старший брат всё же поставит его на место.

— А ты?

Алаин снова улыбнулся, и в этот раз улыбка его стала совсем живой, почти свободной от дорожной усталости. Он подвинул к Тириону чернильницу и легонько коснулся пером края стола.

— А я скажу: бери перо.

Тирион осторожно принял перо, старое и хорошо заточенное, ещё хранившее слабое тепло пальцев брата.

Он вывел первый штрих, затем второй, стараясь не рисовать деревья одинаковыми. Линия леса получалась живой, будто сама искала себе место между холмами.

Алаин стоял рядом, наблюдая через его плечо. Он не вмешивался сразу, только чуть наклонил голову, следя за движением пера, и это молчаливое внимание заставляло Тириона стараться ещё сильнее.

— Не дави, — негромко подсказал он. — Позволь руке самой найти движение. Карта — не перечень приказов. Она должна помнить, что земля дышит.

Тирион невольно улыбнулся.

— Так действительно и скажу, когда он снова заметит у меня лишний изгиб реки.

Алаин хмыкнул, но в этом звуке было больше веселья, чем упрёка. Он чуть откинулся назад, словно представил себе лицо отца Клемента, услышавшего такое объяснение.

— Не советую, — хмыкнул Алаин. — Я ещё надеюсь дожить до спокойной старости и не быть обвинённым в том, что испортил младшего брата.

Тирион тихо рассмеялся.

Смех прозвучал неожиданно легко и сразу сделал тесную келью уютнее. За узким окном слышались далёкие голоса братьев, стук ведра о колодезный сруб и ленивое воркование голубей под крышей. Где-то в глубине монастыря хлопнула дверь, а затем снова воцарилась привычная полуденная тишина.

Алаин стоял рядом, опершись ладонями о край стола, и внимательно наблюдал за тем, как Тирион выводит очередную линию.

— Видишь? — сказал он спустя некоторое время. — Теперь лес словно сам нашёл себе место.

Тирион отложил перо и посмотрел на карту.

Несколько штрихов действительно изменили её. Пергамент больше не казался набором условных обозначений. За тонкими линиями проступала настоящая земля: холмы, заросшие склоны, изгибы речных берегов и старые дороги, по которым, должно быть, уже не одно поколение гнали скот и везли товары.

— Хотел бы я увидеть всё это собственными глазами, — признался он.

Алаин долго не отвечал.

Взгляд его скользнул по разложенному пикту и задержался где-то далеко за пределами пергамента.

— Увидишь, — произнёс он наконец. — Мир гораздо больше монастырских стен, Тир. И гораздо удивительнее, чем можно представить по чужим записям.

Он говорил негромко, без привычной насмешки, и в его голосе Тириону на мгновение почудилась непривычная усталость, однако брат уже выпрямился, и тревожное ощущение исчезло прежде, чем юноша успел в нём разобраться.

Алаин выпрямился и легонько щёлкнул его по затылку.

— Только сперва научись держать перо как следует. Иначе все твои великие открытия потом придётся разбирать другим картографам.

Тирион потёр затылок, но улыбка сама собой вернулась на его лицо. Слова брата прозвучали так привычно, что вся тревога, мелькнувшая мгновением раньше, будто снова спряталась в тени.

— Зато им не будет скучно, — возразил Тирион.

Алаин посмотрел на него с притворной строгостью, но глаза выдавали его раньше, чем губы.

— Это уж точно.

Улыбка Алаина на этот раз была совсем обычной — тёплой, немного усталой и такой знакомой, что Тирион почувствовал, как тревога, сама не зная почему поселившаяся в нём после возвращения брата, понемногу отступает.

Они ещё долго сидели над картой, споря о том, где следовало обозначить старую переправу и стоит ли отмечать заброшенную часовню у тракта, если от неё остался лишь полуразрушенный фундамент.

Когда за окном раздался протяжный удар колокола, созывавший братьев к вечерним обязанностям, Тирион с неохотой отложил перо и ещё раз взглянул на пикт. Чернила уже подсохли, а проведённая им линия леса почти не отличалась от работы Алаина, и это малое сходство наполнило его тихой, почти детской гордостью.

Изгиб истины

Скрипторий, скрытый в самой глубине монастырского архива, больше походил на усыпальницу забытых знаний, чем на место для работы. Воздух здесь был тяжёлым и неподвижным. Он пропитался запахом старого пергамента, горьковатым духом чернильных орешков и сыростью древнего камня, которая даже в разгар лета не покидала этих стен. Единственная сальная свеча чадила и дрожала на краю стола, бросая на сводчатый потолок ломаные тени, похожие на крылья потревоженных ночных птиц.

Тирион сидел, сторбившись над тяжёлым дубовым столом, поверхность которого была изрезана ножами и запятнана вековыми потёками воска. Спина давно ныла от неудобной позы, а пальцы, сжимавшие перо, онемели от холода, поднимавшегося от каменных плит.

В тишине архива слышался лишь сухой скрип пера по выделанной коже.

Перед ним лежал официальный реестр податей.

Под тяжёлым листом пергамента, скрытый от случайного взгляда, таился другой листок — его собственный. Каждый раз, когда за дверью затихали шаги дежурного брата, Тирион осторожно отодвигал реестр в сторону. Его рука, ведомая не поручением настоятеля, а внутренним беспокойством, вновь и вновь возвращалась к реке Иссае.

На всех монастырских картах Иссае текла ровной, безупречной линией, ибо так было принято задолго до рождения Тириона и так велел изображать её отец Клемент.

Но всякий раз, когда он пытался повторить эту прямую линию, что-то внутри упрямо противилось движению руки, и на его собственном пикте река неизменно изгибалась. Она подходила к монастырскому холму значительно ближе, чем утверждали старые карты, и врезалась в известняковое основание под острым углом, словно сама вода из года в год настойчиво искала слабое место в камне.

Тирион медленно провёл пером по изгибу. Чернила ложились густо, обозначая омуты и подмытые берега там, где, как ему казалось, течение должно было быть особенно сильным. Остановившись, Тирион некоторое время смотрел на проведённый изгиб, а затем вновь вернулся пером к тому же месту, потому что линия всё ещё не давала ему покоя.

— Опять ты за своё.

Голос Алаина, прозвучавший из полумрака за спиной, заставил Тириона вздрогнуть.

Он поспешно потянул реестр обратно, но перо дёрнулось в руке, оставив на краю карты жирную чернильную кляксу.

Алаин подошёл ближе.

Его шаги по каменным плитам звучали глухо и чуть тяжелее обычного. Он остановился возле стола и положил ладонь на плечо брата.

— Иссае... — произнёс он, проводя пальцем по изгибу. — Ты опять притянул её к самым стенам.

Тирион поднял взгляд. В свете чадающего огарка лицо брата казалось старше обычного.

— Я не притягивал её, — тихо ответил он. — Я просто не могу заставить себя провести эту линию иначе.

Алаин некоторое время молчал.

— Ты ведь понимаешь, что отец Клемент велит изображать Иссаю прямой не потому, что никогда не видел реку?

Тирион опустил взгляд на пикт. Чернила ещё не высохли, и изгиб реки выглядел почти случайным, похожим на ошибку, однако рука Тириона снова и снова возвращалась именно к нему.

— Я ходил к Нижнему обрыву, — произнёс он наконец. — Смотрел на реку сверху и слушал её по ночам, и всякий раз мне казалось, что вода идёт иначе.

Он провёл пальцем вдоль чернильной линии.

— Может быть, я ошибаюсь. Не знаю. Но когда пытаюсь нарисовать её прямой, чувствую, словно сам порчу карту.

Алаин тяжело выдохнул.

— Иногда порядок нужен людям не меньше истины, Тир. И это заставляет их видеть то, что ближе к сердцу.

— Даже если этот порядок неверен?

Брат задумался.

За дверью скрипнули чьи-то шаги. Оба невольно замолчали, прислушиваясь. Но шаги удалились дальше по коридору, и в скриптории вновь воцарилась тишина.

Лишь тогда Алаин заговорил снова:

— Люди редко выбирают между правдой и ложью. Чаще — между двумя страхами. Одни боятся увидеть трещину в стене. Другие боятся сделать вид, будто её нет.

Он коснулся пальцем изгиба Иссаи.

— Если отец Клемент признает, что монастырский холм подмывает река, ему придётся признать и другое: даже здесь, в тени Скрижали, мир не так устойчив, как нам хотелось бы. Этот страх мутит его взор.

Тирион долго смотрел на карту.

— А если стена всё-таки рухнет?

Алаин слабо улыбнулся.

— Тогда люди скажут, что такова была воля Трёх.

— А ты?

Брат помедлил с ответом.

— А я предпочёл бы заранее укрепить фундамент.

Он поднялся со скамьи и положил ладонь Тириону на плечо.

— Только запомни: люди не любят тех, кто замечает трещины раньше остальных, особенно если эти трещины проходят через тот мир, в котором они привыкли жить.

Его пальцы слегка сжали плечо брата.

— Поэтому пока спрячь этот пикт. Закончи реестр. И не позволяй отцу Клементу решить, будто ты сам — ошибка, которую следует исправить.

Тирион невольно улыбнулся.

— Сложно не быть ошибкой, если даже реки у меня текут неправильно.

— Не льсти себе, — хмыкнул Алаин. — До настоящих ошибок тебе ещё далеко.

Он бросил последний взгляд на карту и направился к выходу.

У самой двери брат обернулся.

— И всё же оставь этот изгиб, — произнёс он негромко. — Хотя бы на своём пикте.

— Почему?

Алаин задержался на мгновение.

— Потому что, возможно, однажды кому-нибудь понадобится знать, где на самом деле течёт вода.

Он ушёл, и Тирион остался один. Некоторое время он сидел неподвижно, слушая, как в глубине архива поскрипывают старые балки и как далёкие шаги братьев постепенно растворяются в монастырской тишине.

Перед ним лежали две карты одной и той же земли: на заверенном пикте Иссаи текла ровно и спокойно, словно мир действительно подчинялся начертанному порядку, тогда как на его собственной карте река изгибалась у самого основания холма.

Тирион долго смотрел на обе линии. Затем осторожно провёл пальцем по ещё не высохшим чернилам своего пикта. Ему вдруг подумалось, что истина редко приходит в мир с громом небесных откровений. Чаще она начинается с едва заметного изгиба, который никак не получается выпрямить.

За стенами скриптория монастырь жил своей привычной жизнью. Колокола созывали братьев на молитву, послушники переписывали книги, а в трапезной, должно быть, уже накрывали столы к вечерней трапезе.

И только где-то внизу, под толщей известняка и человеческой уверенности, река продолжала своё медленное, неумолимое движение, пока наверху, в тепле свечей, люди переписывали красивые, прямые и совершенно мёртвые линии.

Дни благодати

Следующие дни стали для Тириона настоящим даром.

Монастырская жизнь редко менялась. Одни и те же колокола отмечали часы молитв, одни и те же лица склонялись над книгами и мисками в трапезной, одни и те же дорожки между постройками вытаптывались поколениями послушников. Здесь даже времена года будто проходили по заведённому кругу, не нарушая установленного порядка.

Но теперь рядом был Алаин, и потому всё вокруг словно изменилось. Каждое утро началось не с тяжёлого ожидания очередного дня, а с голоса брата за соседней койкой.

— Вставай, послушник. Пока ты спишь, мир успевает измениться.

— Тогда пусть подождёт до завтрака, — бормотал Тирион, натягивая робу.

— Именно поэтому тебе нельзя доверять серьёзные пикты.

Тирион улыбался ещё до того, как открывал глаза.

В то утро они чинили крышу амбара. Алаин стоял высоко на приставной лестнице, удерживаясь одной рукой за потемневшую от времени балку.

— Держи крепче! — крикнул он сверху.

Тирион всем весом навалился на лестницу.

— Держу!

— Ты так говоришь каждый раз перед тем, как я начинаю сомневаться в собственном спасении.

Сверху посыпалась сухая труха и мелкие щепки. Тирион зажмурился.

— Нашёл что-нибудь?

— Нашёл, — отозвался Алаин. — Работу брата Элиаса.

— Когда это он успел там потрудиться?

— Судя по состоянию крыши, лет десять назад.

Через мгновение вниз с глухим стуком опустилась истлевшая балка. Алаин спрыгнул на землю и вытер лоб рукавом.

— Вот истинная причина сквозняков, — сообщил он. — Не козни Тьмы и не испытание Трёх, а всего лишь ленивый плотник. Тащи новую балку из сушильни и Трое одарят нас своей милостью еще на десяток лет.

— Только не говори так при брате Элиасе, не то мы все десять лет будем читать молитвы о крепости крыши.

Алаин рассмеялся.

Солнце пекло затылок, воздух пах смолой, сухой древесиной и нагретым камнем, а пыль забивалась под ворот робы и липла к вспотевшей коже, однако всё это казалось Тириону удивительно правильным.

После полуденной службы они перебрались в трапезную, где толстые стены ещё хранили прохладу. Там они чинили старый общий стол. Алаин придерживал дубовую столешницу, пока Тирион забивал новые шпонки.

— Левее.

— Так?

— Нет. Если бы ты собрал колесо повозки с такой же точностью, я бы до сих пор сидел где-нибудь посреди северных болот.

— А ты сам то умеешь мастерить колёса?

— Однажды пришлось научиться.

Он передал брату нож.

— Мы тогда потеряли кузнеца и половину инструментов, так что шкантики пришлось вырезать из сырой берёзы; колесо вышло до того кривым, что смотреть на него было совестно.

— И выдержало?

— Разумеется.

— Значит, было не таким уж кривым.

— Нет, — усмехнулся Алаин. — Просто повозка оказалась ещё хуже.

Тирион слушал его, затаив дыхание. В рассказах брата никогда не было подвигов. Он говорил о людях, встреченных в придорожных деревнях; о старухе, знавшей десяток способов отпугнуть волков; о мельнике, уверявшем, будто умеет предсказывать дождь по поведению кур; о том, как правильно сушить одежду после ливня и почему не стоит ночевать в низинах возле рек.

Но именно эти истории Тирион любил больше всего, потому что они делали мир настоящим, большим и живым — куда более живым, чем страницы монастырских хроник.

Вечерами они выходили за стены хозяйственного двора и садились на старую завалинку у внешней стены монастыря. День медленно угасал.

Небо над дальними холмами окрашивалось в цвет остывающей золы, а затем становилось глубоким и прозрачным. Где-то за оградой перекликались поздние птицы. Из кухни тянуло запахом печёного хлеба.

Алаин набивал старую походную трубку. Тирион сначала морщился от горьковатого дыма, а потом перестал замечать его вовсе. Они могли долго сидеть молча, и это молчание не тяготило их: порой Алаин рассказывал о дорогах, порой Тирион спрашивал о городах, которых никогда не видел, а иногда оба просто смотрели, как над монастырём одна за другой проступают звёзды.

В такие минуты Тириону казалось, что та самая крепость, о которой столько говорилось в молитвах, заключалась не в стенах, башнях или тяжёлых дверях храма, а в возможности сидеть рядом с человеком, при котором мир становился шире и понятнее.

Однажды вечером Алаин вдруг умолк посреди рассказа. Он долго смотрел куда-то за монастырские стены, туда, где последние отблески заката растворялись в сумерках. Трубка давно погасла в его пальцах, но он всё ещё машинально перекатывал её между ладонями, словно продолжал размышлять о чём-то, что видел только он один.

— О чём думаешь? — спросил Тирион.

Брат не сразу ответил. Он перевёл взгляд к линии холмов, едва различимой в сгущающейся синеве вечера, и только потом посмотрел на Тириона.

— О том, что дороги никогда не заканчиваются там, где мы проводим их на картах.

Он произнёс это без привычной насмешки. Спокойно, почти задумчиво, будто вспоминал нечто, чему сам до сих пор не сумел подобрать точного объяснения. Потом перевёл взгляд на Тириона и улыбнулся.

— И о том, что однажды тебе придётся убедиться в этом самому.

Тирион повернулся к нему всем телом. В полумраке брат казался одновременно близким и удивительно далёким — человеком, который сидит рядом, но уже знает о мире что-то недоступное другим.

— Возьмёшь меня с собой?

Алаин чуть приподнял брови и посмотрел на него поверх потемневшей трубки. В уголках его глаз мелькнули знакомые смешинки.

— Посмотрим.

Тирион недовольно нахмурился.

— Это не ответ.

Улыбка Алаина стала чуть шире.

— Это лучший ответ, который ты сегодня получишь.

Тирион хотел возмутиться, но передумал. Он просто сидел рядом, слушая потрескивание трубки и стрёкот сверчков в траве. Ему казалось, что эти дни будут длиться вечно. Что впереди ещё бесконечно много вечеров, разговоров о дорогах и старых картах. Что брат снова уедет, а потом обязательно вернётся с новым тубусом за плечами и запахом дальних костров в одежде.

Он ещё не понимал, насколько хрупкими бывают самые обыкновенные дни. И именно поэтому запоминал их не как нечто особенное. А как череду жизненных мгновений. Те, которые человек замечает по-настоящему лишь тогда, когда они начинают ускользать.

Красный воск

Солнце уже скрылось за зубчатой кромкой леса, и над западной стеной монастыря ещё держался густой лиловый свет, когда в ворота постучали.

Не так, как стучат запоздалые странники, просящие крова, и не так, как крестьяне, несущие братьям весть о больном или умершем. Удары были тяжёлыми, ровными и властными. Тот, кто стоял снаружи, не сомневался, что ему откроют.

Привратник, недовольно ворча и путаясь в длинных полах рясы, поднялся со скамьи и отодвинул засов. Дерево протяжно застонало, створка приоткрылась, и в узкой щели показался всадник.

Он сидел на взмыленном коне, закутанный в тёмный дорожный плащ до самых глаз. От животного валил пар; бока его ходили тяжело, а на ремнях и тёмной шерсти белела засохшая пена. Видно было, что коня не жалели и меняли лишь там, где дорога позволяла.

— К отцу Клементу, — сказал всадник.

Голос его охрип от ветра и долгой скачки, однако в нём всё ещё слышалась привычка говорить так, чтобы ему повиновались.

— По воле государя.

Больше он не прибавил ни слова.

Его провели через быстро темнеющий двор. Над кровлями уже зажигались первые звёзды, из кухни тянуло дымом и варёной чечевицей, а от каменных плит поднималась дневная жара. Послушники, попадавшие им на пути, останавливались и провожали гонца настороженными взглядами. В монастырь нередко приходили письма из городов и дальних обителей, но королевская воля редко переступала эти ворота после заката.

Отец Клемент сидел в своей келье за простым дубовым столом. При свете масляной лампы он разбирал старые свитки, пожелтевшие по краям и истончённые долгим прикосновением рук. Когда дверь открылась, настоятель поднял голову.

Его взгляд сразу остановился на дорожном плаще, сапогах, покрытых серой пылью, и пустых ножнах у пояса гонца. Лишь после этого он посмотрел человеку в лицо.

Тирион в тот час нёс послушание в келье настоятеля: растирал чернильные орешки и доливал воду в загустевшие чернила. При появлении гонца он невольно выпрямился.

Отец Клемент указал службе, сопровождавшему гонца, на дверь.

— Оставь нас.

Тот поспешно поклонился и вышел.

Затем настоятель перевёл взгляд на Тириона и коротким движением велел ему отойти в соседнюю комнату. Тирион повиновался, плотно прикрыв дверь, хотя в монастырских стенах старый камень хранил голоса лучше, чем следовало бы.

Когда шаги службы стихли, Клемент указал гонцу на скамью.

— Ты проделал долгий путь, сын мой. Сядь. Даже государева воля не требует, чтобы человек падал от усталости прежде, чем исполнит порученное.

Гонец остался стоять.

— Весть не станет легче оттого, что я передам её сидя.

Он снял правую перчатку. От кожи пахло дёгтем, холодным воздухом и конским потом. Из внутреннего кармана плаща гонец извлёк узкий свёрток пергамента, стянутый шнуром и запечатанный тёмно-красным сургучом.

На тёмно-красном сургуче ясно проступал королевский знак, однако отец Клемент не сразу протянул руку за грамотой.

Несколько мгновений он смотрел на свиток так, будто уже знал, какие слова заключены под воском, и надеялся лишь, что ошибается. Потом всё же принял грамоту. Его сухие пальцы прошлись по выпуклому оттиску печати.

— Неужто сам Государь беспокоит себя заботами о границах владений и пиктах дальних рубежей в столь поздний час? — спросил он с обманчивой мягкостью, хотя взгляд его уже сделался настороженным.

— Государь беспокоит себя заботами о грядущем, отец, — резко отрезал гонец, и его взгляд на мгновение вспыхнул в дрожащем свете лампы холодным, недобрый огнем. — И это грядущее требует, чтобы ваш писец был готов к долгой дороге.

Слова гонца тяжело легли в спёртый воздух кельи. Отец Клемент долго смотрел на красную печать, и хотя лицо его оставалось неподвижным, в светлых глазах проступила такая усталость, будто он уже много лет ожидал этой вести и всё же надеялся, что она придёт после его смерти. Наконец настоятель коротко кивнул.

— Мы ждали, что день сей настанет. Писец будет готов — тот, что ведаёт истинную суть земли. Свет Трёх да хранит твой обратный путь.

Настоятель потянул за шнур колокольчика несколько резче, чем требовалось, и вскоре из соседней комнаты вошёл Тирион, стараясь не показать, что слышал разговор.

— Брат Тирион, — произнёс Клемент непривычно сухим голосом, напоминавшим звук камня, упавшего на лёд. Настоятель протянул ему запечатанный сверток. — Немедленно отнеси это брату Алаину. Без всяких промедлений. Воля государя не терпит отлагательств.

Сердце Тириона внезапно забилося чаще. Королевская воля! В этот миг ему казалось, что он сжимает в руках не просто кусок пергамента, а саму Судьбу, которая наконец-то вознаградит его брата за все труды.

Тирион почти бежал по длинному, погруженному в густую тьму коридору. Он отворил дверь в их общую келью без стука, готовый выпалить радостную весть. Но слова застряли у него в горле.

Алаин стоял спиной к двери, низко склонившись над медным тазом для умывания. Его плечи, ещё недавно казавшиеся Тириону такими надёжными, судорожно вздрагивали от глухого, захлёбывающегося кашля, который шёл из самой глубины груди и с каждым приступом будто отнимал у него силы. В тусклом свете огарка Тирион увидел, как брат с трудом выпрямился и поднес ко рту смятый платок.

Когда Алаин отнял платок от губ, на грубом белом холсте проступило влажное алое пятно, и Тирион так и остался стоять на пороге, чувствуя, как ещё недавно лёгкий и драгоценный свиток наливается в его руке тяжестью.

Несколько мгновений назад королевская печать казалась ему знаком признания, обещанием большой дороги и заслуженной награды для человека, который всю жизнь прокладывал чужие пути.

Теперь он смотрел на сгорбленную фигуру брата, на платок, поспешно сжатый в кулаке, и впервые не мог заставить себя сделать следующий шаг.

За стенами кельи всё оставалось прежним. Где-то в глубине монастыря звонил колокол, созывая братьев к молитве. Сквозняк едва заметно колыхал пламя огарка. В коридоре слышались чьи-то удаляющиеся шаги.

Мир вокруг продолжал жить прежним порядком, однако в самом Тирионе уже что-то необратимо переменилось: недавняя радость уходила, уступая место тяжёлому пониманию того, что дорога, ещё минуту назад казавшаяся славой и наградой, теперь могла стать для Алаина приговором.

Алаин всё ещё стоял к нему спиной, и Тирион, не произнеся ни слова, медленно отступил к двери, всё сильнее сжимая свиток и чувствуя, как острый край застывшего сургуча впивается в ладонь.

Решение ещё не обрело имени.
Но оно уже было принято.

Украденная тропа

Тьма в коридоре была густой и неподвижной. Она заполняла пространство между каменными стенами, стирала знакомые очертания дверей и ниш и превращала монастырь, где Тирион знал каждую плиту, в чужое, молчаливое место, где даже слабый шорох приобретал тревожный вес.

Прижавшись спиной к холодному камню, он слушал, как за дверью их кельи постепенно стихает кашель Алаина.

Совсем недавно эти хрипы заставляли его вздрагивать от бессильного страха, однако тишина, наступившая вслед за ними, оказалась ещё тяжелее. Она казалась неправильной, слишком полной, словно тесная келья, столько лет хранившая дыхание своих обитателей, вдруг забыла, как звучит присутствие одного из них.

Тирион не знал, долго ли простоял у стены. Время в тёмном коридоре утратило привычный ход, и мысли его кружили по одному и тому же следу, вновь приводя к алому пятну на белом платке, к руке брата, поспешно сминавшей ткань, и к королевской грамоте, спрятанной за пазухой. Пергамент лежал у самого сердца, тяжёлый и неумолимый, будто чужая воля уже решила, кто должен покинуть монастырь и какой ценой будет оплачен этот путь.

Наконец Тирион заставил себя оторваться от стены.

Он осторожно приоткрыл дверь и снова вошёл в келью.

Огарок почти догорел. Слабое пламя едва удерживало вокруг себя малый круг света, выхватывая из темноты край стола, сложенную на скамье одежду и узкую койку у дальней стены. Всё остальное растворялось в тенях, знакомых и всё же изменившихся после того, что он увидел здесь несколько мгновений назад.

Алаин лежал поверх покрывала, не сняв дорожной одежды. Во сне лицо его лишилось привычной живости и казалось осунувшимся, непривычно старым, словно годы, прежде щадившие его, явились разом взыскать старый долг. Только едва заметное движение груди говорило о том, что он спит, а не ушёл уже туда, куда брат не смог бы последовать.

Тирион долго смотрел на него, и память сама стала возвращать самые обыкновенные вещи: насмешливый прищур Алаина, когда тот наблюдал за его первыми неуклюжими штрихами; терпеливый голос, объяснявший, почему древней карте нельзя доверять лишь за её древность; рассказы о людях, встреченных на дорогах, в которых брат неизменно находил нечто достойное внимания, даже если весь их жизненный дар заключался в умении угадывать дождь по беспокойству кур.

Всего несколько дней назад они сидели у внешней стены и спорили, можно ли назвать дорогой тропу, которой ещё нет ни на одном пикте. Тогда монастырь казался прочным, дни — долгими, а возвращение Алаина — чем-то столь же естественным, как вечерний колокольный звон.

Теперь Тирион перевёл взгляд на стол.

Его руки, обычно послушные и уверенные над пергаментом, дрожали так заметно, что прежде, чем коснуться вещей брата, ему пришлось несколько раз медленно сжать и разжать пальцы.

Старый кожаный тубус лежал там же, где Алаин оставил его утром. Потёртая кожа хранила запах дёгтя, дорожной пыли и дыма далёких костров. Тирион провёл ладонью по знакомым швам, ощущая каждую царапину и каждую потёртость, оставленную ремнями, камнями и годами пути. Сколько раз он встречал брата именно так: прежде замечал перекинутый через плечо тубус, а уже затем слышал голос и видел улыбку?

Рядом лежали медный циркуль, тяжёлый и прохладный, нож для соскабливания ошибочных линий и перевязанный шнуром набор перьев. Тирион складывал их внутрь с такой осторожностью, будто боялся потревожить не вещи, а самого спящего. Каждый лёгкий щелчок металла отзывался в груди и заставлял его замирать, прислушиваясь к дыханию брата.

Он убеждал себя, что не крадёт. Возьмёт тубус лишь на время, пройдёт назначенный путь, вернётся и положит всё на прежнее место прежде, чем Алаин успеет как следует рассердиться. Эта мысль была слишком простой, чтобы быть правдой, однако Тирион держался за неё, как держатся за выступ над обрывом, не спрашивая, долго ли выдержит камень.

Королевская грамота жгла грудь сквозь ткань робы. Жёсткий пергамент казался чужеродным, а тяжёлая алая печать лежала у сердца, словно туда поместили небольшой камень.

Тирион снова посмотрел на Алаина и вдруг едва не улыбнулся, хотя в этом не было веселья. Даже теперь, собираясь похитить у брата назначенную ему дорогу, он боялся прежде всего его недовольства. Страх этот был так знаком и по-детски привычен, что на мгновение боль отступила.

«Не серчай, — подумал он. — Я только туда и обратно. Ты сам говорил, что хороший картограф не должен бояться новой тропы».

Собирая собственные пожитки, Тирион впервые ясно увидел, как мало вещей принадлежало ему самому: запасная рубашка, небольшой узел с мелочами, несколько листов с заметками да старая карта, которую он хранил под одеждой. Всё прочее было частью монастыря — койка, книги, чернила, роба, даже ложка в трапезной, которой до него пользовались другие послушники и после него будут пользоваться вновь.

В келье пахло воском, старой бумагой и болезнью. Тирион замер, вдыхая этот запах, и внезапно понял, что, где бы ни оказался потом, достаточно будет однажды почувствовать подобное сочетание, чтобы память возвратила его сюда: к дрожащему огарку, тесным стенам и брату, которого он оставляет спящим, не сказав ни слова.

Он задул свечу и некоторое время стоял в полной темноте, позволяя глазам привыкнуть к ней. Затем осторожно вышел в коридор и прикрыл дверь.

Монастырь спал.

Тирион знал здесь каждый поворот, каждую впадину в плитах, каждый скрип старых дверей. В детстве эти стены казались ему целым миром; здесь он научился читать, молиться и держать перо, здесь впервые увидел карту и понял, что несколько линий на пергаменте способны вместить реки, леса, человеческие дороги и всё расстояние между домом и неизвестностью.

Теперь он покидал этот мир, не зная, позволит ли ему судьба однажды войти в него снова.

Проходя мимо покоев отца Клемента, Тирион остановился.

Из-под двери падала узкая полоска света. Настоятель ещё не спал: быть может, разбирал древние свитки, молился перед знаком Трёх или размышлял о пути, который на рассвете должен был начать Алаин.

Всего несколько шагов отделяли Клемента от человека, готового нарушить его волю и спутать замыслы тех, кто сидел под королевской печатью, однако толстая дверь и тишина монастыря скрывали Тириона надёжнее всякого заговора.

Ему достаточно было постучать.

Тогда всё ещё можно было вернуть на прежнее место: положить грамоту на стол настоятеля, разбудить Алаина, рассказать о крови и уступить решение старшим, как поступил бы послушный брат.

Но послушание теперь означало позволить больному человеку отправиться туда, откуда он мог не вернуться.

Тирион постоял ещё мгновение, вслушиваясь в собственное дыхание, после чего двинулся дальше.

Во внутреннем дворе его встретила прохлада. После душных коридоров ночной воздух казался почти осязаемым; он пах влажной землёй, травой и далёким дождём. Над монастырём собирались тяжёлые облака, одно за другим закрывая звёзды, а длинная тень колокольни лежала поперёк двора, словно чёрная дорога, ведущая от храма к воротам.

Старый брат-привратник сидел на скамье, лениво ковыряя щепкой в зубах, и время от времени сонно поглядывал в сторону конюшни, откуда доносилось беспокойное переступание копыт.

Тирион замедлил шаг.

Он не придумал ни убедительной лжи, ни способа пройти мимо. В тишине двора любая фраза прозвучала бы слишком громко, а тубус за плечом сразу выдал бы намерение.

Тогда из конюшни донёсся резкий удар. Одна из лошадей шарахнулась в стойле и с грохотом ударила копытом по перегородке.

Привратник вздрогнул, выругался вполголоса и тяжело поднялся со скамьи. Ворча о ночной скотине, лишённой всякого уважения к монастырскому порядку, он направился к конюшне и вскоре исчез за дверью.

Тирион остался один перед воротами.

Даже теперь он мог окликнуть старика и вернуть всё к прежнему течению. Ему нужно было лишь произнести имя привратника, и ночная тропа закрылась бы прежде, чем стала дорогой.

Но перед глазами вновь возник белый платок с алым пятном.

Тирион подошёл к калитке.

Засов оказался таким, каким он его помнил. Месяц назад он сам смазывал металл дёгтем по просьбе брата Элиаса, проклиная скучную работу и въедливый запах, который потом долго не сходил с пальцев. Теперь эта малая забота позволила запору податься почти беззвучно, словно прежний Тирион, ещё ничего не знавший о королевской грамоте и болезни брата, невольно приготовил путь нынешнему.

Петли едва слышно вздохнули.

Он выскользнул наружу и осторожно прикрыл калитку. Замок щёлкнул негромко и буднично, будто за ним завершилась не целая жизнь, а всего лишь ещё один монастырский день.

Некоторое время Тирион стоял на узкой тропе, не решаясь идти дальше.

Ночной воздух охлаждал лицо, а под ногами вместо ровных плит лежала живая земля — влажная, мягкая и неровная, пахнувшая травой и близким дождём. Дорога, которую он столько раз видел на пиктах, вовсе не походила на спокойную линию чернил: она терялась во мраке, огибала камни, уходила между кустами и не обещала, что приведёт туда, куда ей было велено.

Тирион шагнул вперёд.

Он шёл до тех пор, пока монастырь за спиной не сделался тёмным пятном под тяжёлым небом, а потом остановился на пригорке и снял с плеча тубус.

Карта Алаина тихо зашелестела в его руках. В слабом свете, пробивавшемся между облаками, чернила казались серебристыми нитями. Линии, прежде бывшие лишь условными знаками, теперь обрели вес: за каждой стояли расстояние, усталость, ночлег под дождём, неверный поворот и необходимость вновь выбирать путь, когда никто не мог обещать правильного решения.

Тирион коснулся дороги, ведущей к столице.

— Я не подведу тебя, брат, — прошептал он. — Я доведу эту линию до конца.

Его голос растворился в шорохе травы, и почти сразу где-то далеко прогремел гром.

Тирион не знал, куда приведёт его украденная тропа, сумеет ли он обмануть ожидания короля, оправдать доверие Алаина или когда-нибудь снова увидеть монастырские стены. Но одно он понимал ясно: если бы этой ночью он остался, позволив брату отправиться вместо себя,

то до конца жизни помнил бы кровь на белом платке, свет под дверью Клемента и собственный страх сделать единственный шаг, который ещё мог что-либо изменить.

С таким знанием жить было бы тяжелее, чем идти навстречу любой дороге.

Столичный зов

Первое утро на тракте встретило Тириона холодом, от которого немели пальцы и слезились глаза. Ночная сырость ещё не успела подняться с земли, и низкие травы вдоль дороги серебрились росой, словно кто-то рассыпал по ним мелкую стеклянную крошку. Он шёл, кутаясь в дорожную робу, чувствуя, как натёртые за предыдущую ночь пятки отзываются болью при каждом шаге, а ремень тубуса всё глубже врезается в плечо.

Однако вместе с усталостью в нём жило чувство, удивлявшее его самого.

Ему было хорошо.

Не потому, что дорога оказалась лёгкой. Напротив. Он уже успел понять, что карты никогда не передают тяжести пути: они не говорят о мозолях, о ломоте в спине, о том, как неприятно грубая шерсть натирает шею, а ветер забирается под одежду, заставляя ёжиться даже в тёплое утро. Но всё это почему-то не омрачало его настроения. Каждый новый шаг приносил с собой ощущение мира, существующего за пределами монастырских стен, и Тирион всё чаще ловил себя на желании пройти ещё немного, увидеть следующий поворот дороги, новую рощу или крыши селения, которого прежде не было ни в его памяти, ни перед глазами.

Когда солнце наконец поднялось над горизонтом, оно преобразило всё вокруг.

Ещё недавно поля казались серыми и безликими, растворёнными в предутреннем тумане, но теперь свет лёг на них широкими золотистыми полосами. Дорожная пыль вспыхнула медовыми оттенками, а влажные стебли трав начали переливаться так, будто земля сама пробуждалась от сна.

Слева от тракта раскинулись бескрайние поля дикого клевера и медуницы. Над ними дрожал непрерывный пчелиный гул, а воздух оказался настолько насыщенным запахами прогретой земли, цветов и сладкого нектара, что Тириону на мгновение захотелось остановиться и просто стоять, вдыхая всё это полной грудью.

Он невольно подумал о пиктах.

Сколько раз он тайком обозначал луга несколькими условными значками? Сколько раз уверенно проводил на пергаменте границы пастбищ, полагая, что понимает, что именно изображает?

Теперь ему казалось, что он никогда прежде не видел настоящего поля.

Как показать на карте густой запах нагретого солнцем клевера? Как передать постоянное движение трав, меняющих оттенок под каждым порывом ветра? Какими линиями обозначить пчелиный гул, который не смолкает ни на мгновение и становится частью самого пейзажа?

Он усмехнулся собственным мыслям.

Алаин наверняка сказал бы, что именно поэтому хорошие картографы должны как можно чаще выходить из-за письменных столов.

К полудню впереди показался он — Астерваль, Светлая Твердыня.

Сначала Тирион не был уверен, что действительно видит город. Над горизонтом висела странная серая дымка, похожая на низко стелющееся облако. Она дрожала в жарком воздухе и казалась почти нереальной. Однако с каждым пройденным шагом внутри неё начали проступать очертания башен, высоких крыш и крепостных стен.

Столица росла перед ним постепенно и не возникла сразу, как завершённый рисунок на странице, а складывалась из всё новых подробностей по мере того, как дорога вела его ближе.

Сначала появились пригороды — беспорядочно разросшиеся поселения, прилепившиеся к внешним стенам огромного города. Затем показались мастерские, склады, постоянные дворы и бесчисленные лавки, стоявшие вдоль дороги так плотно, что между ними едва оставалось место для прохода.

И вместе с этим начал меняться воздух. Запах цветов остался далеко позади.

Теперь его место занял аромат свежее испечённого хлеба, доносившийся из придорожных пекарен. От него болезненно сводило желудок. Из соседних лавок тянуло сушёными травами, смолой, дублёной кожей и дымом жаровен, на которых торговцы готовили еду прямо под открытым небом.

Жизнь здесь текла иначе.

Прачки развешивали выстиранное бельё, переговариваясь через всю улицу. Дети носились между телегами с такой ловкостью, будто родились среди этого непрекращающегося движения. Подмастерья таскали тяжёлые корзины, ремесленники спорили с покупателями, а женщины, нагруженные свёртками, успевали одновременно идти, разговаривать и одёргивать непоседливых малышей.

Тирион шёл всё медленнее.

Он пытался разобраться в происходящем так, как привык разбираться в картах: отмечал расположение улиц, запоминал направление людских потоков и искал скрытую закономерность, которая могла бы объяснить движение этого огромного места.

Ему казалось, что ещё немного — и он поймёт внутренний устой этого места, увидит скрытый порядок, который лежит в основе происходящего.

Но всякий раз, когда он уже был готов поверить, будто уловил его, Внешний город разрушал эту уверенность. Улица, казавшаяся торговой, внезапно выводила к кузнице. За лавкой травника обнаруживалась мастерская гончара. Между двумя богатыми домами прятался дворик, где бедняки чинили сети и сушили бельё. Даже за внешними стенами столица непрерывно менялась, ускользая от всякой попытки понять её раз и навсегда и не позволяя уложить себя в ясный порядок линий и знаков.

Когда впереди выросли ворота Нижнего города, Тирион окончательно потерял ощущение привычного мира. Перед ними бурлила человеческая река. Телеги скрипели под тяжестью грузов. Навьюченные мулы раздражённо мотали головами. Купцы выкрикивали распоряжения слугам, а паломники терпеливо ожидали своей очереди, прижимая к груди дорожные сумки и свёртки.

Тирион оказался внутри этой толпы.

Ему приходилось постоянно уступать дорогу, чтобы не быть сбитым очередной телегой. Чужие локти задевали его плечи, кто-то наступал на край робы, кто-то ворчал вслед. Он чувствовал запах пота, дорожной пыли, дешёвого вина и конского навоза, слышал десятки голосов одновременно и впервые в жизни понимал, что человеческое множество способно оглушать сильнее колокольного звона.

Он крепче прижал к груди тубус.

Только теперь Тирион осознал, насколько монастырь избаловал его предсказуемостью. Там каждый знал своё место, всякое действие подчинялось распорядку, и даже тишина имела назначенный ей час.

Здесь мир жил по иным законам, однако за внешней сумятицей всё же ощущался порядок, не похожий на монастырский, но оттого не менее прочный. Сквозь внешнюю беспорядочность город продолжал дышать в собственном ритме. Люди каким-то образом находили друг друга в толпе. Повозки разъезжались, не сталкиваясь. Стражники лениво поддерживали порядок, а торговля не прекращалась ни на мгновение.

Словно сама столица обладала собственной волей.

Под сводами ворот стало прохладнее. Каменная арка нависала над проходящими людьми так высоко, что Тирион невольно поднял голову. Свет остался позади, а впереди лежал полумрак, наполненный эхом шагов и приглушёнными голосами.

Именно тогда раздался окрик:

— Эй, святоша!

Сердце болезненно сжалось. На одно короткое мгновение ему показалось, будто весь путь закончился именно здесь. Что отец Клемент уже узнал о случившемся и послал людей вернуть беглеца прежде, чем тот успеет войти в город.

Он обернулся медленно, чувствуя, как холод разливается по телу. Стражник у ворот смотрел на него с откровенной скукой. Опираясь на алебарду, он смерил Тириона взглядом и раздражённо сплюнул.

— Чего застыл, как соляной столб? Если служишь при соборе, поспеши, скоро начнётся служба. Стоят, видишь тут, днями напролет, а потом ваши настоятели жалуются, будто бы это мы виновны в вашей нерасторопности. Иди уже, не задерживай проход.

Тирион пробормотал слова благодарности и поспешно шагнул в сторону, едва не угодив под копыта ломового коня.

Только оказавшись в узком переулке, он остановился и перевёл дыхание.

Некоторое время он просто стоял, прислонившись к нагретой солнцем стене, и смотрел перед собой.

Перед ним лежала столица — не кружок на старом пикте, не название в летописи и не далёкий символ власти. Она оказалась живым миром, в котором тысячи людей просыпались, работали, любили, торговались, ссорились и мечтали о чём-то своём, не подозревая о существовании юноши, недавно покинувшего монастырь с чужим тубусом за плечами и королевской грамотой, спрятанной за пазухой.

Тирион вдруг почувствовал себя удивительно маленьким.

Ещё вчера ему казалось, что принятое решение способно изменить судьбу всего мира. Теперь же мир предстал перед ним во всём своём необъятном равнодушии, и оказалось, что для него появление ещё одного человека не значит ровным счётом ничего.

И всё же где-то среди этих бесчисленных улиц находилась цель его пути. Где-то здесь начиналась та самая дорога, которую он выбрал сам. Он осторожно коснулся рукой тубуса Алаина, словно напоминая себе, ради чего проделал весь этот путь, а затем поднял взгляд на уходящие вдаль улицы, где шум столицы сливался в непрерывный, многоголосый гул.

Страх по-прежнему жил в нём, однако рядом с ним всё настойчивее звучал тот самый зов, который когда-то заставлял Тириона исправлять изгибы рек на чужих картах и задавать вопросы, на которые никто не желал отвечать. Зов мира, оказавшегося намного больше, сложнее и прекраснее, чем он осмеливался представить.

Поправив ремень тубуса, Тирион шагнул вперёд, навстречу столице, которая не ждала его и ничего ему не обещала, но всё же манила бесчисленными улицами и дорогами, каждая из которых словно просилась быть нанесённой на новый пикт.

Лабиринт камней

Нижний город встретил Тириона не одним лишь шумом, но плотным, почти осязаемым маревом запахов, человеческих голосов и непрестанного движения, среди которых невозможно было надолго удержать внимание на чём-то одном.

В монастыре мир казался ему выверенным и понятным, словно добросовестно составленный пикт, где каждая линия имела начало и конец, а всякое отклонение требовало объяснения. Здесь же всё подчинялось иной природе. Узкие улицы, похожие на глубокие трещины в древнем камне, петляли между покосившимися домами, чьи верхние этажи нависали над проходимыми так близко, будто соседи пытались отнять друг у друга последние полосы солнечного света. Между окнами тянулись верёвки с бельём, над головами качались потемневшие вывески, а женщины перекликались через улицу, не обращая внимания на телеги, детей и ругань торговцев.

Тирион старался держаться северного направления.

Он помнил старые пикты Алаина и по привычке сверялся с положением солнца, однако город упрямо не желал становиться понятной схемой. Стоило выбрать широкую улицу, которая, казалось, непременно должна была вывести к цели, как она сужалась, дробилась на несколько переулков или упиралась в глухую стену, покрытую серым лишайником и пахнущую застоявшейся водой, мочой и гнилой соломой.

Приходилось возвращаться и искать другой путь, но вскоре Тирион начинал подозревать, что уже проходил здесь прежде, хотя вывески, лица и нависающие над улицей балконы казались совсем иными. Город напоминал огромный лабиринт, возведённый не каменщиками и не по воле властителя, а самой человеческой жизнью, которая год за годом пристраивала новые стены, пробивала проходы и забывала, зачем понадобились прежние.

Каждый поворот приносил иной запах. Из одного переулка тянуло жареным луком и дымом, из другого — кислым духом дубильных ям, а за следующим углом неожиданно возникал тяжёлый аромат благовоний, просачивавшийся из-за плотно закрытых ставен богатого дома.

Тирион невольно замедлял шаг, размышляя, возможно ли вообще нанести подобное место на карту. Какими знаками обозначить улицу, которую узнаёшь не по очертаниям домов, а по запаху хлеба и корицы, или двор, где над камнями постоянно стоит сырой дух выстиранного белья? Чем дальше он шёл, тем яснее понимал, что настоящие города живут совсем не так, как изображают их на монастырских пиктах.

Рыночная площадь открылась перед ним внезапно, словно тесные улицы разом выпустили его в бурлящее человеческое море.

Солнце заливало площадь щедрым золотым светом, отражаясь в медных котлах, стеклянных пузырьках аптекарей и дешёвых украшениях, развешанных на лотках. Яркими пятнами лежали корзины яблок, связки моркови и пучки свежей зелени, а торговцы перекрикивали друг друга с таким жаром, будто от продажи каждого калача или мотка шерсти зависела судьба всего Валендора.

Однако стоило Тириону пройти несколько шагов, как праздничное впечатление распалось. Запах свежего хлеба смешивался с тяжёлым духом сырых шкур и мокрой шерсти, в тени между рядами сидели нищие с воспалёнными глазами и протянутыми руками, а за мясной лавкой на солнце темнела куча отбросов, над которой гудели жирные мухи.

Столица отказывалась быть чем-то одним, не желая делиться на красивое и уродливое, богатое и нищее, чистое и осквернённое. Всё существовало здесь рядом, теснилось на одних улицах и дышало одним воздухом.

Тирион остановился возле фонтана.

Чаша, высеченная из некогда светлого камня, покрылась зелёным налётом, однако вода в ней оставалась чистой и прозрачной. Она стекала через край с тихим журчанием, и этот звук показался ему почти родным после бесконечного городского гула.

Подойдя ближе, он позволил прохладным брызгам коснуться лица, затем зачерпнул воду ладонями и жадно напился, чувствуя, как вместе с прохладой понемногу отступает напряжение долгого пути.

Неподалёку, возле лотка с сухофруктами, пахнувшего мёдом и засахаренной корицей, двое мужчин оживлённо переговаривались, не обращая на него никакого внимания.

— Слыхал? На востоке опять неладно, — прохрипел один, ковыряя в зубах щепкой. — Обоз с солью не дошёл. Будто земля его проглотила.

Второй хмыкнул, приподнял горсть сушёных яблок и принялся.

— Нынче всякого наслушаешься. То степняки мерещатся, то беглые солдаты. У меня сосед после игры в кости неделю домой не возвращался, а жена его уже всем объявила, будто нечисть уволокла. А до того всем твердила, что не верит ни в лешего, ни в плавунов.

Первый усмехнулся и сплюнул под ноги.

— Может, и нечисть. А может, долги. От них иной раз бегут проворнее, чем от мертвецов.

— Пока беда за чужим забором, всякий охоч храбриться, — согласился второй. — А как у самого курицу со двора утащат, так и полдень ночью покажется.

Вскоре они заговорили о цене зерна и предстоящей ярмарке, а Тирион отошёл от фонтана, чувствуя неясное беспокойство. Даже здесь, среди солнца, торговли и громких голосов, люди говорили о пропавших обозах и тревоге на востоке с той будничностью, с какой в монастыре обсуждали погоду.

— Свежая сельдь! — надрывался торговец неподалёку. — Почти сама из бочки выпрыгивает! Эй, братец в рясе, возьми рыбину! Трое велели делиться серебром с честными людьми!

Тирион крепче прижал к груди тубус и поспешил дальше, стараясь не смотреть на мутные рыбы глаза, лежавшие на подгнившей соломе.

— Куда прёшь, жердь монастырская! — возмутилась дородная женщина, когда он случайно задел её плечом. — Глаза у алтаря забыл?

Он хотел извиниться, но людской поток уже унёс его дальше, мимо дымящихся жаровен, тесных лавок и тёмных подворотен, в которых даже среди белого дня держалась сырость.

Именно тогда Тирион заметил молодого человека, прислонившегося к стене.

Тот был лишь немногим старше его самого, худощавый, с острым подвижным лицом и быстрыми глазами, напоминавшими глаза зверька, привыкшего жить возле человеческого жилья и всегда знающего, где плохо заперта кладовая. Засаленный жилет был надет прямо на серую рубаху, а мягкая шапка съехала на затылок. На ладони парень лениво подбрасывал мелкую монету, однако взгляд его внимательно следил за прохожими.

— Эй, почтенный брат, — окликнул он Тириона и отступил от стены, преграждая ему дорогу. — Заблудился в наших каменных стенах?

Глаза его быстро скользнули по монастырской робе, дорожному узлу и тяжёлому тубусу.

— Мне нужно пройти к Верхнему городу, — ответил Тирион, стараясь говорить уверенно.

— Нужно многим, а доходят не все, — заметил незнакомец и улыбнулся так открыто, будто они были давними приятелями. — Гвидо моё имя. Здесь я знаю каждую лестницу и почти каждую крысу.

От него пахло луком, дешёвым вином и дымом.

— По главным улицам нынче лучше не ходить, — продолжил он, понизив голос. — Стража у Верхних ворот сердита: всякого чужака останавливают, карманы выворачивают и

зовут это пошლიной. Проведу тебя коротким путём, через Крысиные лазы. Выйдешь прямо к стене Цитадели.

Тирион недоверчиво посмотрел на него.

— И что ты попросишь взамен?

Гвидо приложил ладонь к груди с таким видом, будто вопрос глубоко его оскорбил.

— Разве человеку Трёх нельзя помочь по доброте?

Он выдержал короткую паузу, после чего ухмыльнулся.

— А коли после вспомнишь меня добрым словом или медяком, спорить не стану.

Не дожидаясь окончательного согласия, Гвидо нырнул в узкий проход между домами, откуда тянуло сыростью и гнилой водой. Тирион оглянулся на площадь, но людское море уже сомкнулось за его спиной, и страх вновь потерять направление оказался сильнее осторожности.

Он поспешил следом.

Они петляли долго. Гвидо говорил почти без умолку, перескакивая с одного предмета на другой, и его речь лилась так быстро, что Тирион едва успевал понимать отдельные слова.

— Не морщись, братец, — сказал проводник, легко перепрыгивая через лужу неопределённого цвета. — Это город так дышит. Зато здесь тише, чем на рынке, и телега не переедет. Только в Гнилой Мешок не сворачивай, если один пойдёшь: там люди сначала хватаются за нож, а потом уже спрашивают имя.

Он пригнулся под низкой балкой и продолжил:

— Сейчас пройдем под старым мостом, поднимемся по каменной лестнице и выйдем почти к Верхним воротам. Ты ведь из монастыря? Видно по тому, как озираешься. У вас там, должно быть, каша по утрам, молитва по колоколу и ни одного приличного кабака на три дня пути.

Тирион едва поспевал за ним. Улицы становились всё уже и темнее, стены покрывала жирная копоть, а под ногами хрустели кости, глиняные черепки и битое стекло. Из чёрных дверных проёмов за ними наблюдали молчаливые лица, однако Гвидо лишь поднимал ладонь и бросал в темноту:

— Свои, Косой. Только проходим.

В одном месте путь почти целиком загромодила груда старых бочек. Гвидо первым протиснулся между ними, затем повернулся и протянул Тириону руку.

— Держись за плечо. Здесь камни скользкие, а внизу такая жижа, что рясу потом придётся отпевать отдельно.

Он придержал Тириона за пояс, помогая перебраться через завал, а затем заботливо расправил складки его одежды.

— Вот и всё, почти вышли.

Впереди действительно виднелся дневной свет. За последним поворотом начиналась широкая каменная лестница, над которой уже возвышались более чистые и высокие дома Верхнего города.

— Поднимайся прямо, — сказал Гвидо. — Увидишь ворота и башню с медной кровлей. Там уже не заблудишься.

Он сделал несколько шагов назад, после чего словно вспомнил нечто важное.

— И за кошелём следи. В столице людей с ловкими руками больше, чем святых мошей.

Гвидо подмигнул и растворился в тенях прежде, чем Тирион успел ответить.

Некоторое время юноша смотрел ему вслед, испытывая почти детскую благодарность к человеку, который провёл его через самые тёмные и грязные недра города. Затем он вдохнул более чистый воздух, коснувшийся лица со стороны Верхних ворот, и поправил ремень тубуса.

Кожаная лямка неожиданно легко скользнула по плечу.

Тирион опустил взгляд и увидел, что тяжёлой медной пряжки с монастырским клеймом больше нет. На её месте остались лишь перерезанные нити и ровный след на потёртой коже.

Он медленно провёл пальцами по срезу, вспоминая, как Гвидо поддерживал его возле бочек, расправлял одежду и дружески похлопывал по боку.

Плату проводник взял сам, выбрав её прежде, чем Тирион успел договориться о цене.

— Гвидо... — тихо произнёс он, оборачиваясь к тёмному проходу.

Однако Крысиные лазы уже вновь стали частью городского лабиринта, равнодушного к его растерянности. Из глубины переулка донёсся лишь слабый свист ветра, а далеко на площади торговец всё ещё кричал о горячих пирогах с потрохами, словно ничего достойного внимания не произошло.

Тирион ещё раз посмотрел на перерезанный ремень, затем крепко взял тубус в руки и направился к лестнице.

Столица только начала учить его своим дорогам.

Камень и золото

Последний участок пути к Цитадели пролегал через подъемный мост, перекинутый над глубоким рвом. Толстые дубовые доски под ногами были окованы потемневшим железом и отзывались глухим рокотом на каждый шаг. Над головой застыли тяжелые цепи, уходившие в темные прорези надвратной башни.

Ветер здесь был другим. Он уже не пах городской гарью, рыночной теснотой и сточными канавами. В нем чувствовались сухой аромат соснового леса, прохлада камня и свежесть открытого пространства за крепостными стенами.

Тирион в который раз поправил кожаный тубус. После того как Гвидо срезал медную пряжку, ремень пришлось стянуть грубым узлом, и теперь тот больно врезался в плечо сквозь ткань робы. Каждый раз, когда тубус соскальзывал, Тириона охватывала тревога: ему казалось, что этот неуклюжий узел замечен всем вокруг и сам по себе способен выдать его ложь.

С той самой ночи, когда Тирион покинул монастырь, его не оставляла мысль о том, что сюда он пришёл не по праву.

У ворот дежурили двое стражников в тяжелых суконных колетах цвета запекшейся крови. Поверх ткани тускло поблескивали стальные нагрудники, сохранившие следы кузнечного молота. Лица у обоих были сухими, обветренными и лишенными всякого любопытства.

Один из них выставил вперед руку в кожаной перчатке.

— Куда прёшь, парень? — спросил он хрипло, смерив Тириона взглядом. — Для чело- битных есть притвор собора внизу.

Тирион молча достал грамоту. Пальцы заметно дрожали, когда он протянул её стражнику, но в полумраке ворот это можно было принять за усталость. Красный воск тускло блеснул.

Стражник прищурился, внимательно изучая печать. Его лицо почти не изменилось, но в голосе появилась настороженность.

— Из монастыря? — буркнул он, возвращая свиток.

Он повернулся к напарнику.

— Проводи его. Распорядитель уже трижды спрашивал, где застрял этот чертежник.

Алебарда со звоном ударила о камень, освобождая проход.

Никто не спросил имени Тириона. Никто не поинтересовался, откуда именно он пришел и почему вместо взрослого мастера у ворот стоит запыленный юноша в монастырской робе. Для стражников он был не человеком, а частью королевского распоряжения, явившейся почти вовремя.

И эта безличность тревожила сильнее, чем прямой допрос.

Внутренний двор Цитадели жил собственной жизнью. Здесь не было рыночного гомона Нижнего города, не было толкотни, криков и запаха дешевой еды. Люди двигались быстро и уверенно, словно каждый заранее знал свое место. Конюхи вели лошадей к длинным каменным конюшням, слуги переносили корзины с припасами, двое оруженосцев тащили куда-то щиты, обтянутые свежей кожей.

Стены были покрыты белой известью. Под солнцем она казалась почти ослепительной и не скрывала древности кладки, а только подчеркивала каждую неровность камня. Воздух пах дегтем, чистым сеном, горячим железом и разогретой пылью.

Стражник передал Тириона низкорослому человеку в темном кафтане, чья шея почти исчезала в жестком стоячем воротнике. Тот не представился. Только окинул юношу внимательным взглядом, задержался на грубом узле ремня и едва заметно поджал губы.

Тирион почувствовал, как лицо заливают краска.

Распорядитель ничего не сказал. Он лишь коротким жестом велел следовать за собой.

Внутри дворца было прохладно. Толстые стены удерживали каменный холод даже в разгар дня, и после пыльной духоты улиц эта прохлада сначала показалась благословением. Но чем дальше они шли, тем яснее Тирион ощущал в ней что-то чужое.

Здесь всё казалось слишком выверенным, неподвижным и уверенным в собственном праве простоять ещё многие века.

На стенах висели массивные гобелены. Тирион невольно замедлял шаг, рассматривая их. На одном полотне свора гончих преследовала оленя в темном лесу. На другом сокол, сложив крылья, падал на белого лебедя. На третьем всадники с копьями окружали кабана, и в глазах зверя, вытканых черной и янтарной нитью, было столько ярости, будто он всё еще сопротивлялся собственной гибели.

Распорядитель шел быстро и не оглядывался. Тирион едва поспевал за ним, но всё равно успевал замечать бронзовые чаши с сухими травами у дверей, золотые ободья светильников, темные плиты пола, отполированные множеством шагов. Его дорожная пыль казалась здесь почти оскорблением.

В монастыре камень был старым, сыроватым и привычным, тогда как здесь его подчинили власти: обтесали, вымыли, украсили золотом и заставили молчать.

В приемной перед залом аудиенций стояла такая тишина, что шаги Тириона прозвучали слишком громко. Несколько дворян в тяжелых кафтанах с меховой оторочкой переговаривались у окна, не обращая внимания на запыленного монастырского писца.

Тирион уловил только обрывки:

— ...восточные заставы...

— ...обозы задерживаются...

— ...караулы придется смещать...

Внизу, на рынке, о дальних бедах говорили грубо и с суеверными усмешками. Здесь те же тревоги звучали иначе. Холоднее. За этими словами стояли не байки, а решения, от которых могли двигаться отряды, деньги и человеческие судьбы.

Распорядитель остановился у высоких дверей, обитых темным деревом и украшенных золотыми накладками в виде переплетенных кругов Трёх. Он коротко переговорил с караульным, затем повернулся к Тириону.

— Когда войдешь, не говори, пока тебя не спросят, — негромко сказал он. — Кланяйся государю, отвечай прямо. Генерал не любит, когда мямлят.

Тирион кивнул.

Ему захотелось поправить робу, но он удержался. Любое движение казалось лишним и выдающим тревогу. Вместо этого он сильнее прижал к себе тубус и вдруг вспомнил Алаина — не больного, лежащего в полутемной келье, а прежнего, стоящего над картой с чернильными пятнами на пальцах.

Смотри сперва на землю.

Только потом вспоминай, как принято её изображать.

Двери распахнулись.

Зал был высоким и строгим. Не таким огромным, каким Тирион представлял себе королевские покои, но каждая вещь в нем имела вес. Под потолком тянулись тяжелые дубовые балки. Вдоль стен горели свечи в кованых люстрах, наполняя воздух запахом чистого воска и сухих трав.

В глубине, возле широкого стола, покрытого картами и свитками, сидел король Эдмунд.

Вблизи он казался старше, чем во время прошлого появления в монастыре. Глубокие морщины прорезали его лицо, кожа имела нездоровый желтоватый оттенок, но слабым он не выглядел. Спина оставалась неестественно прямой, а руки, лежавшие на подлокотниках кресла, всё еще казались сильными.

Его взгляд не метался и не искал подтверждения собственной власти, а спокойно останавливался на человеке и оставался на нём до тех пор, пока тому не начинало недоставать воздуха. Тирион вновь ощутил странное давление. Будто воздух вокруг государя был плотнее, чем в остальном зале.

Рядом с королем стоял генерал Бреннан. Вороненая кираса казалась почти черной в полумраке, рыжая борода была коротко подстрижена, а взгляд оставался сухим и прямым. Он не смотрел на Тириона с презрением. Это было бы легче вынести. Генерал рассматривал его так, как смотрят на инструмент, прежде чем решить, годится ли тот для опасной работы.

— Писец из Обители прибыл, государь, — объявил распорядитель и склонился.

Эдмунд медленно кивнул.

— Подойди.

Тирион сделал несколько шагов вперед и поклонился так глубоко, как учили в монастыре. Когда он выпрямился, взгляд короля уже был на нем.

— Ты пришел вовремя, — произнес Эдмунд.

Голос его был глубоким, с едва заметной хрипотцой. Но в этой хрипоте чувствовалась не слабость, а металл, потускневший от лет и всё еще способный резать.

Эдмунд некоторое время молча смотрел на него, и Тириону показалось, что государь взвешивает не его робу, не возраст и даже не грамоту, а что-то более скрытое.

— Скажи мне, писец, — произнёс король, — знаешь ли ты, почему не всякий человек, умеющий держать перо, может писать пикты?

Тирион почувствовал, как у него пересохло во рту. Вопрос звучал просто, почти как монастырское наставление, но в этом зале простых вопросов не было.

— Да, государь, — ответил он осторожно. — Нас учили, что пикт можно писать лишь после того, как увидишь землю собственными глазами.

Бреннан чуть заметно усмехнулся.

— Верно, — сказал Эдмунд. — Но не полно. Многие смотрят на землю и видят только то, к чему привык глаз: холм, дорогу, лес, воду. Они видят образ и принимают его за суть. Но писец должен различить, где земля лежит как есть, а где лишь показывает образ.

Тирион невольно вспомнил изгиб Иссаи у монастырского холма, прямую линию на старой карте и голос Алаина, говорившего, что вода редко течёт туда, куда велит порядок, а не туда, куда устремлен взгляд смотрящего.

Король заметил, как изменилось его лицо.

— За крайними границами таких мест больше, чем здесь, — продолжил он. — Дороги там могут казаться прямыми, пока не заведут отряд в трясины. Склон может выглядеть пологим, а под ногой уйдёт камень. Лес может стоять на месте, но человек, не умеющий смотреть, будет ходить вокруг него до темноты и клясться, что всё время шёл вперёд.

Бреннан больше не усмехался. Он смотрел на Тириона внимательно и тяжело.

— Мне нужен не украшатель пергамента, — сказал Эдмунд. — И не переписчик чужих линий. Мне нужен путевод. Человек, который видит землю прежде, чем она успеет солгать остальным.

Солгать. Это слово особенно громко прозвучало в голове Тириона.

— Милостью государевой ты был вызван, чтобы стать путеводом для отряда, которому предстоит идти далеко за северные межи, — сказал Эдмунд.

Бреннан чуть повернул голову к Тириону.

В этом движении не было угрозы, но от него зал будто стал теснее.

— А прежде, — король указал на широкий стол, — я должен узнать, не ошибся ли Ансельм, поручившись за монастырскую руку.

На столе был расстелен потемневший от времени пикт прилегающих к Цитадели земель. Тирион узнал очертания восточных окраин столицы: те самые застенки, где дома бедняков,

мастерские, постоянные дворы и склады лепились друг к другу за городской чертой, не дожидаясь разрешения ни короны, ни церкви.

На старом пергаменте всё выглядело почти аккуратно. Дорога шла плавной линией, строения обозначались ровными прямоугольниками, караульные посты стояли там, где им полагалось стоять по прежнему порядку.

— Этот пикт был точен три года назад, — произнес Эдмунд, проводя пальцами по краю пергамента. — Но застенки растут быстрее, чем грибы после дождя. Дозорные доносят, что у восточного тракта, неподалеку от поворота к воротам, встали два новых постоянных двора и несколько складов. Старые заставы оказались зажаты между стенами, проходы для обозов сузились, а караулы теперь тратят больше времени на объезд, чем на службу.

Король поднял глаза на Тириона.

— Нанеси изменения. Покажи, где теперь стоят новые дворы, как легли стены и что стало с дорогой. Если твоя рука ошибется хоть на полпальца, обоз с провиантом может встать в тесном проходе, а в такой щели даже шайка голодных оборванцев становится войском.

Бреннан слабо усмехнулся.

— А если обоз встанет, — добавил он, подходя ближе к столу, — его потом вытаскивают не чернилами, а людьми. И обычно не все эти люди возвращаются.

Тирион подошел к карте.

Сердце на мгновение болезненно сжалось. Потом страх начал отступать.

Перед ним был не зал, не король, не генерал и не вся тяжесть обмана, который привел его сюда. Перед ним лежала земля, пусть и заключенная в старые линии. Чем дольше он смотрел на пикт, тем яснее сквозь потемневший пергамент проступал путь, который он проделал всего несколько часов назад.

Он вспомнил, как едва не угодил под копыта ломового коня у ворот, где дорога уже не была такой широкой, как на карте. Вспомнил запах свежего хлеба из пекарни, пристроившейся к новому срубу у поворота, и тяжелую кучу битого камня там, где прежняя стена осела после весенних дождей. Вспомнил вывеску с кабаньей головой, раскачивавшуюся над двором, и низкую крышу другого постоянного дома, почти вплотную подступившего к складам.

Это были не строки из книг и не чужое донесение, а память ног, плеч и глаз — всего тела, которое утром приняло на себя тяжесть этого пути. Тирион осторожно открыл тубус. Узел на ремне снова потянул плечо, но теперь он почти не заметил боли. Его пальцы коснулись медного циркуля Алаина, старого ножа, перьев, аккуратно уложенных в футляр.

В зале стояла тишина.

В ней слышалось дыхание Бреннана, легкий треск свечей и едва заметный скрип кожи на кирасе генерала. Король молчал, и это молчание давило сильнее любого вопроса.

— Ну же, писец, — сухо бросил Бреннан. — Пергамент не станет ждать, пока ты помолишься.

Тирион не ответил.

Он обмакнул перо в чернильницу и остановил руку над картой. Не потому, что боялся начать. Ему нужно было решить, чему верить: тому, как земля была изображена, или тому, какой она открылась ему в утренней пыли и шуме столицы.

Сначала он нанес постоянный двор у поворота, тот самый, с вывеской кабаньей головы. Линия легла осторожно, но без дрожи. Затем рядом появился второй двор, ниже и шире, с вытянутым задним крылом, перекрывавшим прежний проход к складам.

Тирион не рисовал их как ровные фигуры. Он вписывал строения в изгиб дороги, в тесноту стены, в тот неудобный угол, из-за которого телеги вынуждены были замедляться еще до ворот.

Чем дольше он работал, тем меньше думал о том, что стоит перед королем.

Перед внутренним взором Тириона вновь возникла улица: он слышал скрип колёс, видел, как люди обходят препятствия, и вспоминал, как вода после дождя ищет низину, а привычный путь понемногу меняется под тяжестью тысяч повседневных шагов.

Когда новые линии начали складываться в узнаваемое место, Тирион нахмурился. Его взгляд вернулся не к тем участкам, о которых говорил король, а немного севернее, туда, где старый пикт показывал дорогу слишком прямой и слишком удобной.

Он вспомнил, как утром обошел кучу битого камня.

Вспомнил, как ломовая повозка, натужно скрипя, вывернула не там, где должна была пройти по карте.

Там не просто выросли новые строения. Сама дорога согнулась вокруг них, как река вокруг упавшего в русло валуна.

Бреннан заметил паузу.

— Что ещё?

Тирион почувствовал, что снова стоит на краю выбора. Можно было исполнить приказ: нанести два двора и замолчать. Так было бы безопаснее.

Но перед ним лежал пикт.

И если оставить старую линию нетронутой, карта снова станет красивой ложью.

— Государь, — произнес он тихо, не отрывая пальца от пергамента, — если оставить тракт здесь, обоз всё равно встанет.

Король не шелохнулся.

— Объясни.

Тирион сглотнул. Собственный голос показался ему слишком слабым для этого зала, но отступать было уже поздно.

— Дорога больше не идет так прямо. Новые склады сдвинули проход к югу, а у старой стены лежит битый камень. Возможно, его еще уберут, но сейчас телеги обходят здесь.

Он провел ногтем вдоль пустого места на пергаменте.

— Если караул останется там, где показано сейчас, он будет смотреть не на дорогу, а на стену постоянного двора.

Бреннан наклонился над картой. Его лицо оказалось совсем рядом, и Тирион почувствовал запах старой стали, кожи и горького масла, которым натирали доспехи.

Генерал долго смотрел на указанный участок, затем перевел взгляд на юношу.

— Ты видел это сам?

— Да, генерал.

— Утром?

— Утром.

— И запомнил?

Тирион не сразу понял, что в вопросе нет насмешки. Бреннан действительно проверял его, но теперь проверка стала иной: не на послушание, а на прочность свидетельства.

— Я шёл там, — ответил он. — Дорога вынудила меня запомнить.

Генерал несколько мгновений смотрел на него.

Потом коротко хмыкнул и отступил на шаг.

— Рисуи.

Тирион снова опустил перо.

Теперь он исправлял не только новые строения, но и сам изгиб тракта. Линия уходила чуть ниже, огибала тесный участок, возвращалась к воротам уже не так красиво, как прежде, зато правдивее. Он отметил место, где склады сужали проход, поставил маленький знак у кучи камня и осторожно перенес караульную точку туда, откуда действительно можно было видеть движение обозов.

Ему казалось, будто он не столько изменяет пикт, сколько снимает с него слой прежней уверенности, позволяя проступить тому, что уже давно случилось с землей.

В зале по-прежнему было тихо. Перо царапало сухую кожу пергамента, свечи едва слышно потрескивали в люстрах, а за высокими окнами где-то далеко гудел город, от которого эти стены пытались отгородиться камнем и золотом.

Король Эдмунд следил за работой неотрывно.

Тирион чувствовал этот взгляд так же явственно, как узел ремня на плече, но уже не мог позволить ему сбить руку.

Когда он отложил перо, на пикте появились два новых постоянных двора, склады, сужение тракта и исправленный изгиб дороги. Свежие чернила еще блестели, но место уже выглядело так, будто всегда должно было быть нанесено именно таким образом.

Бреннан первым склонился над столом. Его палец прошел вдоль свежей линии, остановился у караульной точки, затем медленно двинулся к новому обходу.

— Кабанья Голова, — негромко произнес он. — И Мельничный Приют.

Он поднял взгляд на короля.

— Дозорные вчера ставили вехи почти здесь же. Про камень у стены тоже говорили.

Эдмунд долго молчал.

На его желтоватом лице не отразилось ни улыбки, ни явного одобрения. И всё же Тирион почувствовал, что в зале что-то изменилось. Давление не исчезло, но стало иным: прежде оно пыталось раздавить, теперь — взвесить.

— Твоя рука тверда, писец, — сказал король наконец. — Но важнее другое: твой взор тверже взглядов остальных.

Тирион опустил взгляд.

— Я боялся написать кривду, государь.

Эдмунд чуть заметно наклонил голову. Его глаза оставались холодными, но в них появилось нечто, похожее не на мягкость, а на признание полезности.

— Бояться ошибки не зазорно, если страх заставляет смотреть внимательнее, а не закрывать глаза. Хороший путевод не утешает спутников прямой линией там, где дорога давно ушла в сторону.

Король едва заметно шевельнул рукой, и распорядитель шагнул вперед.

— Отведите его в Северную башню, — произнес Эдмунд. — И проследите, чтобы его не тревожили до утра.

Тирион поклонился глубже, чем прежде.

Только теперь, когда распоряжение прозвучало и испытание завершилось, он почувствовал, как холодный пот стекает вдоль позвоночника под грубой тканью робы. Он выдержал испытание и не был разоблачен, потому что король поверил не имени, не грамоте и не чужому поручительству, а тому, что увидел на карте.

И именно это оказалось тяжелее, чем Тирион ожидал.

Когда распорядитель повел его прочь и двери зала закрылись за спиной, он еще долго ощущал на себе взгляд Эдмунда и молчаливую тяжесть Бреннана. В коридоре снова пахло воском, холодным камнем и травами в бронзовых чашах.

Гобелены по стенам казались прежними, но охотничьи сцены теперь смотрелись иначе. На гобеленах олень всё так же бежал сквозь темный лес, сокол падал на белого лебедя, а кабан продолжал сопротивляться окружившим его копьям.

Каждый был пойман в ту самую минуту, когда выбора почти не оставалось.

Тирион машинально поправил тубус. Узел на ремне больно впился в плечо, напоминая о Гвидо, о Нижнем городе, о монастырской пряжке, которой больше не было, и о том, как легко чужая рука может взять свою плату.

Первый барьер был преодолен.

Но чем убедительнее он доказывал свое право стоять здесь, тем острее становился вопрос, от которого не защищали ни королевская грамота, ни твердая рука, ни острый глаз. Если он действительно мог пройти этот путь, если его талант был настоящим и нужным, значило ли это, что он имел право занять место Алаина? Ответа у него не было, и оттого камень дворцовых стен казался ещё холоднее, а золото на дверях — ещё тяжелее.

О людях и долге

Ночь в Северной башне не принесла Тириону покоя.

Он провёл её на узкой жесткой койке, глядя, как лунный свет медленно ползёт по каменному полу. Сначала полоска лежала у двери, потом добралась до ножки стола, потом коснулась его дорожного тубуса, прислонённого к стене. Тирион следил за ней так внимательно, будто в этом движении было что-то важное, способное удержать мысли от возвращения к монастырю.

Но мысли всё равно возвращались к Алаину, к тёмной монастырской келье, к королевской грамоте, которую Тирион принёс сюда обманом, и к тому, что теперь он находился в самом сердце власти, куда его никогда не должны были впустить.

Когда в дверь гулко постучали, он вздрогнул всем телом. За узким окном ещё держалась предраассветная серость, но прежняя жизнь уже не имела права на продолжение.

— Вставай, писец, — раздался за дверью чужой голос. — Во дворе ждут.

Тирион поднялся.

Роба за ночь стала жесткой от дорожной пыли. Он умылся холодной водой из кувшина, наскоро привёл в порядок волосы, проверил тубус и снова перехватил ремень узлом. Медной пряжки больше не было, и этот пустяк, казалось, с каждым часом становился заметнее.

Внутренний двор Цитадели в предраассветных сумерках походил на глубокий каменный колодец. Высокие стены со всех сторон отрезали кусок бледного неба, где медленно плыли рваные облака. Воздух стоял неподвижный, сырой, пахнувший камнем, дёгтем, конским потом и навозом.

И всё же даже здесь, среди камня и оружия, жизнь упрямо пробивалась наружу. По одной из кладок карабкались плети дикого винограда, а между плитами у самого основания стены алели несколько маков, таких ярких, будто их случайно уронили на серый камень.

Во дворе уже собирался отряд.

Тирион остановился у стены, стараясь никому не мешать, и принялся рассматривать людей, с которыми ему предстояло идти за северные межи. Ещё вчера эти люди были лишь словами в королевской речи. Теперь они стояли перед ним — живые, тяжёлые, разные, пахнущие кожей, потом, металлом и дорогой.

— Глядишь, как побитый щенок, парень, — раздался рядом низкий голос.

Тирион обернулся.

Перед ним стоял широкоплечий человек лет сорока с лишним, коренастый, крепкий, будто сложенный из дубовых чурбанов. Багровое лицо было испещрено сетью лопнувших сосудов, на подбородке темнела жесткая щетина. Кожаный доспех скрипел при каждом движении, словно жаловался на тяжесть хозяина.

— Гарн, — сказал он без поклона и лишних слов. — Сотник государева отряда. В дороге моё слово для тебя первое после королевского.

Он окинул Тириона взглядом с головы до ног и недовольно поморщился.

— Раз уж нам велено тащить тебя с собой, запоминай, кто будет прикрывать твою тощую шею.

Гарн кивнул в сторону коновязи, где двое воинов оживлённо спорили у выючных мешков.

Первый был огромен, широк в плечах и зарос бородой так густо, будто всю жизнь пытался спрятать в ней лицо. На щеке у него тянулся старый белый шрам, но взгляд оставался почти добродушным. Второй, подтянутый и жилистый, с аккуратными усами, методично протирал нагрудник и слушал собеседника с выражением человека, заранее уверенного в чужой глупости.

— ...а я тебе говорю, в клещи надо было брать, в клещи, — рычал бородач, размахивая ремнём от седла, — зажали бы их у реки, и дело с концом. Куда им деваться? В воду?

— Дурак ты, Рурд, — лениво ответил усач. — У них за ивняком конница стояла. Ты бы их к реке прижал, а они бы тебя сзади подрезали. И всё. Плавала бы твоя головешка вниз по реке.

— Моя головешка хотя бы не боится промокнуть.

— Ей и терять нечего.

Рурд раскрыл рот для ответа, но Гарн рявкнул так, что у ближайшей лошади дрогнули уши:

— Рурд! Кель! Позакрывайте пасти! Не ваше то дело — головы ломать. Владыки заносят меч, а войско наносит удар без раздумий! Или уже готовы к проверке сбруи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.